
ОГОНЁК
ЛЕНИН
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 20 МАЙ 1976

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О присвоении воинского звания Маршала Советского Союза тов. Брежневу Л. И.

Президиум Верховного Совета СССР **постановляет:**

Присвоить воинское звание **Маршала Советского Союза** Председателю Совета обороны СССР тов. **Брежневу** Леониду Ильичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 7 мая 1976 г.

Москва, Кремль. Во время вручения товарищу Л. И. Брежневу маршальского знака отличия.

Фото В. Егорова и А. Стужина (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ МАРШАЛЬСКОГО ЗНАКА ОТЛИЧИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 20 (2549)

15 МАЯ 1976

10 мая в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил Маршалу Советского Союза Л. И. Брежневу маршальский знак отличия «Маршальская звезда» и грамоту Президиума Верховного Совета СССР.

При вручении выступил тов. Н. В. Подгорный.

— С уверенностью можно сказать, что присвоение Леониду Ильичу Брежневу звания Маршала Советского Союза,— сказал Н. В. Подгорный,— будет с огромным удовлетворением воспринято в рядах наших славных Вооруженных Сил, всей нашей партией, всем советским народом, как и нашими друзьями за пределами страны.

С ответным словом выступил тов. Л. И. Брежнев.

Выразив сердечную признательность Центральному Комитету партии, его Политбюро, Президиуму Верховного Совета СССР, Леонид Ильич Брежнев сказал в заключение своего выступления:

— Я принимаю этот почетный знак с чувством безграничной гордости за наши славные Вооруженные Силы, за наш героический советский народ, за его ленинскую партию, за нашу великую непобедимую Советскую Родину — надежный оплот мира и прогресса на земле.

Леонида Ильича Брежнева сердечно поздравили присутствовавшие при вручении маршальского знака отличия товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко.

Затем тов. Н. В. Подгорный вручил воинский знак отличия генерала армии — «Маршальскую звезду» министру обороны СССР Д. Ф. Устинову. Тепло поблагодарив за вручение, тов. Д. Ф. Устинов подчеркнул, что как свое назначение на пост министра обороны СССР, так и вручение этого воинского знака отличия он воспринимает как выражение высокого доверия партии и приложит все силы к тому, чтобы это доверие оправдать.

БОРЦУ ЗА МИР, ЗА ИДЕАЛЫ КОММУНИЗМА

В ознаменование выдающихся боевых и трудовых заслуг Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда, Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева в городе Днепродзержинске Днепропетровской области — на родине Героя — сооружен бронзовый бюст, как установлено Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Днепродзержинск. Здесь, в бывшем рабочем поселке Каменское, родился, начал свою трудовую жизнь товарищ Л. И. Брежнев. Сын рабочего, он начал свой трудовой путь слесарем на металлургическом заводе. Стал активным комсомольцем. Здесь Л. И. Брежнев был принят в ряды Коммунистической партии. В этом городе Л. И. Брежнев возглавлял рабфак и одновременно учился в Днепродзержинском металлургическом институте. Л. И. Брежнев защитил диплом инженера на «отлично».

Трудовая биография Леонида Ильича Брежнева тесно связана с этими местами и после окончания института. Он работает инженером на металлургическом заводе, заместителем председателя Днепродзержинского городского Совета. Позже товарищ Брежнев — секретарь Днепропетровского обкома, первый секретарь Запорожского и Днепропетровского обкомов партии.

Куда бы ни направляла партия товарища Л. И. Брежнева, он всегда и везде с присущей ему энергией и настойчивостью борется за ее великое дело, проявляет классовую принципиальность, деловитость и скромность, чуткость и отзывчивость, умение сплачивать людей.

Партийные и советские работники, металлурги, химики, строители, которым довелось трудиться вместе с Леонидом Ильичом, хорошо помнят, сколько сил и энергии, опыта и знаний отдавал он делу развития и укрепления промышленности и сельского хозяйства, улучшению условий труда и быта трудящихся Запорожья и Днепропетровщины.

В Днепродзержинск для участия в торжествах, посвященных открытию бронзового бюста товарища Л. И. Брежнева, прибыли из многих городов и сел страны те, кто плечом к плечу с Леонидом Ильичом сражался на фронтах Великой Отечественной войны, кто вместе с ним трудился в мирные дни. Здесь — однополчане Л. И. Брежнева по 18-й десантной армии, участники боев за Кавказ, Новороссийск и Керчь. В числе гостей также боевые товарищи Леонида Ильича, с которыми он прошел фронтовые дороги по Украине и Венгрии, Польше и Чехословакии.

На торжества прибыли тысячи рабочих и тружеников сельского хозяйства, студенты, школьники, представители партийных и советских организаций Днепропетровской, Запорожской и других областей Украины.

8 мая на Октябрьской площади Днепродзержинска состоялся митинг, посвященный открытию бронзового бюста на родине Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда, Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

Митинг открыл первый секретарь Днепродзержинского горкома партии тов. **А. Ф. Гордиенко.**

Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий разрезает алую ленту. Спадает покрывало, и взору присутствующих открывается установленный на гранитном постаменте бронзовый бюст дважды Героя Леонида Ильича Брежнева, борца за мир, за идеалы коммунизма. Авторы сооружения — заслуженный деятель искусств РСФСР скульптор В. А. Сонин, архитекторы С. И. Кулев и М. Н. Круглов.

К участникам митинга обращается тов. **В. В. Щербицкий.**

На митинге выступили ветеран партии тов. **С. С. Смирнов,** горновой завода имени Дзержинского, Герой Социалистического Труда тов. **С. Ф. Гладкий,** управляющая отделением овощеводов совхоза «Днипро», Герой Социалистического Труда тов. **М. И. Половинка,** ректор индустриального института тов. **В. И. Логинов,** аппаратчица производственного объединения «Азот», делегат XXV съезда КПСС тов. **Е. Н. Бовть,** майор в отставке, бывший воин 18-й армии тов. **А. Д. Куценко,** учащаяся Днепродзержинского металлургического техникума комсомолка **Галина Калентеева,** первый секретарь Днепропетровского обкома партии тов. **А. Ф. Ватченко.**

С большим подъемом участники митинга, который вылился в яркую демонстрацию единства партии и народа, верности коммунистическим идеалам, приняли приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу.

Днепродзержинск. 8 мая 1976 года. Эти снимки сделаны на митинге, посвященном открытию бронзового бюста на родине Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда, Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. На митинге присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий и другие руководители Украинской ССР.

Фото специального корреспондента «Огонька» А. Гостева.

СЪЕЗД КИНЕМАТОГРАФИСТОВ СТРАНЫ

11 мая в Большом Кремлевском дворце открылся III Всесоюзный съезд кинематографистов СССР. Собравшиеся тепло приветствовали появление в президиуме руководителей партии и правительства товарищей К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, К. Ф. Катушева, М. В. Зимянина. Делегаты единодушно избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым. С отчетным докладом выступил первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР Л. А. Кулиджанов.

Мастера советского киноискусства горячо одобрили решения XXV съезда партии, подвели итоги своей работы за последние годы, обсудили задачи, стоящие перед советской кинематографией.

В работе съезда приняли участие посланцы всех союзных республик, известные деятели советского искусства и литературы, а также кинематографисты Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Чехословакии, Югославии.

Фото И. Гаврилова

МОСКВА, 9 МАЯ, ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ.

Фото И. Гаврилова

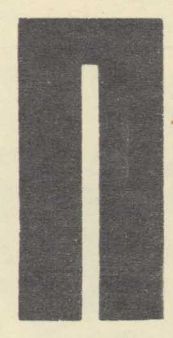
Первая весна пятилетки.

Совет старейшин.

— Мы комсомольцы, мы хлопкоробы!

Пока на обочине поля высится горка семян, сеяльщикам не до разговоров. Но вот легли в землю последние зерна, и настроение совсем другое. Теперь можно и поговорить. А все разговоры в эти дни об одном: о новом, перспективном, что утверждается ныне на узбекистанских поливных гектарах.

Мы на древней земле Андижанской области, в Избасканском районе, задающем ныне тон в хлопководстве республики. Его обильный и к тому же весьма экономичный хлопок прошлого года, труднейшего по погодным условиям, — наглядный пример того, насколько реальны грандиозные планы новой пятилетки, пятилетки эффективности и качества.

— Прошлым летом взяли сорок центнеров с гектара, а теперь нацелились на сорок пять,— говорит бригадир колхоза имени Ахунбабаева Турдали Маллаев.

— Уровень урожайности, — сказал Шаробиддин Сайфутдинов, председатель колхоза, правофлангового в передовом районе,— и по всему хозяйству сорок центнеров. А ведь в конце пятидесятых годов даже и тридцати не получалось...

Да, было время, когда андижанцы по-хорошему завидовали целинникам Голодной степи и немало народу уехало на новые земли: просторно там, а почва молодая, сильная, не то что их долинная, рожающая с незапамятных времен. Выручали удобрения, севооборотная люцерна, отборные семена. А главное — чуть ли не руками перебирали дехкане каждое поле. Потому и поговорка пошла: «Мягкое поле от жестких ладоней». А остальное — дело природы. Издавна бытует примета: «Прохлада с гор — урожай во двор». Иначе говоря: много снега в горах, летом будет чем поливать хлопчатник.

Однако природа нередко подводит. В прошлом году, например, растения не успевали выпить свою порцию воды: она тут же взвивалась над полем дрожащими струйками пара. Погибельная жарища! Одно спасение было — сверхтщательная обработка почвы.

Ныне андижанские хлопкоробы, прирожденные ювелиры земли, все заметнее воздействуют своим опытом и примером на соседей. Даже среди голодностепских ветеранов найдутся люди, которые внимательно присматриваются к достижениям здешних мастеров.

— Сегодня — целина, а ведь завтра это будет обыкновенная, натруженная земля, как, скажем,

Вячеслав КОСТЫРЯ, фото В. СВАРИЧЕВСКОГО, специальные корреспонденты «Огонька»

ЗЕРНА ЭФФЕКТИВН

наша избасканская, — сказал нам бригадир колхоза имени XX партсъезда Уктам Сахибов.— А вот если согреть поле теплом души, оросить в зной каплями пота, тогда-то оно и на гул машины отзовется и селекционные семена взлелеет... Я думал об этом, когда читал доклад Леонида Ильича Брежнева на XXV съезде партии,— он говорил о цветущем крае, о землях, где знания, опыт людей, их привязанность, их любовь к природе творят чудеса... Вы смотрели телепередачи о чемпионате тяжелоатлетов? — вдруг вроде бы не к делу спросил Уктам. — Как рекорды обновляются! Вчера — сенсация, сегодня — рядовой результат...

— Что вы хотите, дорогой Уктам-джан, это точно так же, как и ваши тридцать шесть центнеров с гектара в 1964 году, — снова свернул разговор в хлопковое русло приехавший к сеяльщикам первый секретарь райкома партии Узак Сарымсаков. — В прошлом году бригада Сахибова дала на круг уже по пятьдесят семь центнеров, несмотря на ограниченный водный паек и жестокий суховей. Сорок суток подряд задувал адский ветер во второй половине дня! Но люди, вставая затемно, успевали до обеда сделать все возможное, чтобы спасти растения.

— Уплотнение времени — тоже важный резерв, — заметил бригадир. — И мы его уже взяли на вооружение.

Перед самой посевной хлопкоробы, животноводы, овощеводы, хлеборобы избасканского колхоза «Шарк юлдузи» приняли обязательство выполнить десятую пятилетку за четыре года. Бригады Туламирзы Джалалова, Этиборхон Шерматовой провели сев в расчете на 50-центнеровый урожай с каждого гектара, а в звене Набиджана Джураева убеждены, что возьмут со своего участка по 55 центнеров. Откуда такая уверенность?

— Сейчас у нас все считать научились, как настоящие экономисты, — пояснил председатель колхоза Мамадали Суяров. — Один из ощутимых резервов повышения эффективности нашего производства — это увеличение количества растений на каждом гектаре. В прошлом году у нас было в среднем по восемьдесят тысяч штук на гектаре, а теперь заложили по сто тридцать тысяч.

— Одним словом, территориально расширяться нам некуда,— с доброй улыбкой человека, знающего выход из сложного положения, развел руками Узак Сарымсаков.— Только в сторону эффективности! Именно к этому призвал всех нас XXV съезд партии. Это — знамение времени. Ведь и планета Земля, по свидетельству космонавтов, невелика...

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ— СПРАВЕДЛИВОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

Павел **ДЕМЧЕНКО**

Вот уже многие годы Ближний Восток остается одной из самых «горячих точек» нашей планеты. Район живет в постоянном напряжении, в ожидании новых вспышек, которые действительно происходят то в одном, то в другом его конце. Практически с 1967 года на Ближнем Востоке не было ни одного спокойного месяца без стрельбы и взрывов, без пожарищ и крови.

Причина столь ненормального положения прежде всего в экспансионистской политике Израиля, который опирается на поддержку влиятельных империалистических кругов Запада и международный сионизм. Как отмечалось в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС, опасная обстановка на Ближнем Востоке будет сохраняться, «пока израильские армии остаются на оккупированных землях. Она будет сохраняться, пока лишены своих законных прав и живут в отчаянных условиях сотни тысяч палестинцев, изгнанных со своих земель, и арабский народ Палестины лишен возможности создать свое национальное государство».

Напомню, что израильские войска все еще контролируют большую часть территорий, захваченных в 1967 году. Это почти 50 тысяч квадратных километров Синая, принадлежащего Египту, немногим меньше тысячи квадратных километров сирийской земли, где расположены Голанские высоты, и около 6 тысяч квадратных километров палестинских земель, лежащих к западу от реки Иордан. Арабы, и в этом их поддерживает Советский Союз, требуют освобождения всех этих территорий. Правительство Израиля не перестает повторять, что на полный вывод своих войск оно не пойдет никогда.

Еще более непримиримую позицию правящие круги Тель-Авива занимают в отношении палестинской проблемы. Народ Палестины уже более четверти века ведет жизнь изгнанника. В 1948 году, в момент создания государства Израиль, почти миллион жителей был силой изгнан с родных мест. В июне 1967 года и все остальные палестинские земли, расположенные к западу от реки Иордан, а также сектор Газы на Средиземном море попали под чужеземную пяту.

В результате этой экспансии целый народ, насчитывающий сегодня более 3 миллионов человек, оказался лишенным права образовать какой-то национальный очаг. В настоящее время, по данным ООН, около 900 тысяч палестинцев находится в Иордании (к востоку от реки Иордан), около миллиона — на оккупированных Израилем территориях (включая Газу), 400 тысяч — в Израиле (в границах до июня 1967 года), 240—300 тысяч — в Ливане, 160 тысяч — в Сирии, 140 тысяч — в Кувейте и т. д.

В прошлом месяце на оккупированной территории израильские власти решили организовать выборы в муниципальные органы, рассчитывая на то, что им удастся провести туда «послушных» людей, подставных лиц, подкармливаемых оккупационной администрацией. Войска и служба безопасности были приведены в состояние боевой готовности. Однако все это обернулось для оккупантов поражением: более 80 процентов всех избранных оказались сторонниками Организации освобождения Палестины (ООП), которые составили большинство в муниципалитетах крупнейших городов и общин западного берега Иордана. Палестинцы решили отметить свой успех демонстрациями. Против них были двинуты броневики и полицейские машины. Снова раздались пулеметные и автоматные очереди, и на улицах городов полилась кровь.

Следует упомянуть и о событиях в Ливане, где реакционные круги предприняли попытку вытеснить палестинские организации с территории страны.

Как писала дамасская газета «Ас-Саура», неблаговидную роль в разжигании гражданской войны в Ливане сыграл Вашингтон. Он, по мнению газеты, стремится ликвидировать палестинское движение сопротивления, ослабить прогрессивные силы страны. Однако благодаря единству национально-патриотических сил и палестинцев этот заговор обречен на провал.

Каков же выход из того тяжелого положения, в котором находится Ближний Восток?

Тут сталкиваются различные точки зрения. Вашингтон до последнего времени делал ставку на дипломатию «малых шагов», то есть на решение всех проблем по частям, постепенно. Эта тактика устраивает Израиль. Клюнул на нее и Египет. Однако сейчас даже в каирской печати запестрели высказывания о том, что такая политика «исчерпала» себя, она не смогла принести арабам мира.

Советский Союз считает, что ближневосточные проблемы надо решать в комплексе, опираясь на коллективные усилия всех заинтересованных сторон. Недавно было опубликовано Заявление Советского правительства по Ближнему Востоку, которое встретило большой международный резонанс. В Заявлении говорится, что для восстановления мира необходимо покончить с израильской оккупацией, дать возможность палестинцам создать свое собственное государство и, наконец, предоставить международные гарантии независимого безопасного существования всем странам и народам района, как арабам, так и израильтянам. Решить все вопросы можно на Женевской мирной конференции с участием всех заинтересованных сторон, включая ООП.

В Заявлении Советский Союз вновь подтвердил, что решительно выступает за радикальное политическое урегулирование конфликта на Ближнем Востоке. Он считает, что дело это осуществимо и народы этой беспокойной части планеты должны наконец получить возможность жить в условиях независимости, свободы и мира.

СОЛИДАРНОСТЬ

интервью «огонька»

Исполнилось двадцать лет со времени создания Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Эта дата совпадает с проходившей с 12 по 15 мая в Баку IV Советской конференцией участников этого движения. В связи с юбилейной датой наш корреспондент обратился к заместителю председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки Владимиру Леонтьевичу Кудрявцеву с просьбой ответить на некоторые вопросы.

Владимир Леонтьевич, вы являетесь одним из старейших деятелей движения афро-азиатской солидарности. Расскажите, пожалуйста, о его зарождении и первых этапах деятельности этого движения.

Если говорить о движении солидарности советского народа с народами стран Азии и Африки, то оно фактически существует с момента Октябрьской революции, провозгласившей эру освобождения человечества от всякого рабства, в том числе и колониального. Одним из важнейших принципов политики нашей Коммунистической партии был и остается принцип интернационализма. На этом принципе основаны все наши отношения со странами Азии и Африки, многие из которых десятилетиями, а некоторые и столетиями находились под гнетом колониализма. Солидарность с народами Азии и Африки является органической частью пролетарского интернационализма. Нет нужды перечислять здесь все акты Советского правительства, направленные на установление равноправных отношений со странами Востока, последовавшие за Октябрьской революцией. Наряду с правительственной политикой солидарности развивалось и движение солидарности по общественной линии. Силу такого движения можно себе наглядно представить, вспомнив хотя бы знаменитый лозунг «Руки прочь от Китая!», когда империалисты пытались задушить китайскую революцию.

Особого размаха движение солидарности достигло в послевоенные годы, когда развернулось могучее национально-освободительное движение народов Азии и Африки, требовавшее для достижения своей цели ликвидации системы колониализма, сплоченности всех антиимпериалистических, антиколониалистских сил земного шара. Естественно, что в первых рядах мирового движения солидарности были советские люди, верные заветам Октября и его вдохновителя Владимира Ильича Ленина.

В странах Азии процесс освобождения от колониализма шел в основном быстрее, чем в Африке. Поэтому первыми, кто заложил основы солидарности в масштабе континента, были освободившиеся страны Азии. Перед ними встали новые задачи—укрепление национальной независимости и сопротивление попыткам империалистов реставрировать свое господство в форме неоколониализма. В апреле 1955 года в Дели была созвана конференция общественности стран Азии, сыгравшая важную роль в процессе объединения антиимпериалистических сил континента. Там был создан Международный комитет солидарности народов Азии. Соответственно и в Советском Союзе был создан Советский комитет солидарности стран Азии. Он просуществовал до 1956 года, когда движение солидарности стран Азии под влиянием охвата национально-освободительной борьбой стран Ближнего Востока и Африки переросло в движение солидарности народов Азии и Африки. В мае 1956 года и был организован Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, сосредоточивший свою работу на налаживании связей с общественными организациями стран Азии и Африки, включившимися в движение солидарности, на определении задач, стоящих перед нашим движением.

Двадцать лет, прошедшие с тех пор,— срок большой. Каковы, с вашей точки зрения, основные перемены, происшедшие на двух континентах за два десятилетия?

На этот вопрос трудно сразу ответить... Ведь наши мысли, мысли активных участников движения солидарности, устремлены вперед. Но попробую все же коротко сказать о переменах. Уже само название «движение» предопределяет постоянные перемены, и перемены, в общем, ведущие к лучшему.

Изменения произошли колоссальные, я не боюсь употребить это слово. Мы присутствуем (и, разумеется, не как наблюдатели, а как активные участники) при процессе ликвидации системы колониализма как в Азии, так и в Африке. Остались сравнительно небольшие очаги колониализма и его зловещего детища — расизма. Их ликвидация — это уже вопрос времени, и, надо полагать, совсем недолгого. В Азии идет процесс укрепления национальной независимости даже в таких странах, которые были в значительной степени союзниками империализма, как, например, в Таиланде. Победа вьетнамцев над американским империализмом, вооруженным до зубов современной военной техникой, наглядно показала силу и возможности народа, решившего отстоять свою свободу и независимость. Вьетнамский народ показывает чудеса героизма и в процессе восстановления экономики и строительства новой жизни. Вопреки проимпериалистической политике Пекина, делающего отчаянные попытки разъединить страны Азии, в последних все шире развертывается движение за обеспечение мира и безопасности в Азии общими, совместными усилиями всех азиатских стран.

Если говорить о положении в Африке, то там рухнула последняя колониальная империя — португальская и во весь рост встал вопрос об очищении от расистских режимов юга африканского континента. Все шире развертывается национально - освободительная борьба народов Зимбабве, Намибии, Южно-Африканской Республики. Усилия империалистов, в частности американских, решивших включиться более активно в борьбу за сохранение своих расистских плацдармов, не имеют никаких перспектив.

Как видите, изменения действительно колоссальные. Немалая доля в этих успехах принадлежит и движению солидарности стран Азии и Африки. Наше советское движение, например, оказывает борющимся странам не только моральную, но и материальную помощь. Оно помогает подготавливать высококвалифицированные технические и научные кадры для независимых стран, а также и для тех стран, которые станут независимыми завтра. Способствуют успехам африканских и азиатских народов и обширные связи между нашим движением и движением этих народов. Поездки делегаций помогают лучшему ознакомлению с условиями деятельности наших друзей, понять их нужды и заботы.

Леонид Ильич Брежнев сказал на XXV съезде КПСС: «Теперь уже ясно, что при нынешнем соотношении мировых классовых сил освободившиеся страны вполне могут противостоять империалистическому диктату, добиваться справедливых, то есть равноправных экономических отношений. Ясно и другое: вклад этих стран в общую борьбу за мир и безопасность народов, значительный уже сейчас, вполне может стать еще более весомым».

Советский комитет солидарности стран Азии и Африки вносит свою долю в общую борьбу против сил реакции. Мы этим гордимся, и в этом мы черпаем вдохновение для дальнейшей борьбы за укрепление солидарности между народами двух континентов.

В чем вы видите различие между двумя континентами Азии и Африки и что их объединяет?

В Африке колониализм как бы уравнял почти все страны (если не говорить о ЮАР — плацдарме империализма на континенте), прервав их независимое в свое время историческое развитие, которое вело в прошлом к образованию больших самобытных африканских государств с их не менее самобытными культурами. Колониализм сделал всю Африку порабощенной, замедлил процесс культурного и экономического развития, превратил африканские страны в сырьевой придаток к промышленным метрополиям. Это характерно для всех колоний, но в Африке это сказалось с наибольшей силой. Благодаря этому у африканских стран оказалось больше общих задач, несмотря на то, что после получения независимости они пошли разными путями, в разной степени подверглись воздействию неоколониализма. В известной степени этим можно объяснить создание в 1963 году Организации африканского единства (ОАЕ). Эта континентальная организация, подвергаясь нажиму извне — со стороны империалистов и изнутри — со стороны пронеоколониалистских африканских кругов, все же выдержала испытание на прочность, что было подтверждено позицией ОАЕ в отношении ангольских событий.

Следует отметить и то, что африканские страны и народы имеют тенденцию сближения по линии солидарности с арабскими странами, поскольку искры от военного пожара на Ближнем Востоке летели и в Африку. Не так давно закреплен союз между злейшими врагами африканских и арабских народов — южноафриканскими расистами и израильскими сионистами. Чувство общего врага ведет к укреплению солидарности, показателем чего может служить недавняя афро-арабская конференция министров иностранных дел в Дакаре, которая подтвердила солидарность с африканскими странами.

В Азии дело обстоит сложнее. Здесь империализм застал давно сложившиеся государства с древней культурой и традициями. Здесь возникла национальная буржуазия, в некоторых странах довольно сильная. Поэтому в азиатских странах резче проявления национализма. Изгнанные из стран Азии колонизаторы пытаются в настоящее время разжигать межгосударственные и межнациональные конфликты на азиатском континенте для того, чтобы играть на национальных разногласиях и сохранять свое присутствие, при этом не только экономическое, но и военное.

Ответ на вопрос о том, что же объединяет народы Азии и Африки, вытекает из всей нашей беседы. Это их общий враг — империализм во всех его проявлениях: колониализм, неоколониализм, расизм и сионизм. Империалисты проявляют все большую тенденцию к совместному выступлению против борющихся народов в тех районах, которые они считают для себя наиболее опасными, опасными для существования системы империализма. Так было, например, в 1960 году в тогдашнем Конго (ныне Заир) со столицей в Киншасе, так было совсем недавно в Анголе. Да и многонациональные монополии выступают единым фронтом, стремясь сохранить свои привилегированные позиции в экономике стран Азии и Африки. Так что сама логика борьбы побуждает народы Азии и Африки объединять свои силы в борьбе с общим врагом — империализмом. В этом и заложена объективная основа движения солидарности.

Что вы можете сказать о нынешнем этапе этого движения и его перспективах?

Если сказать кратко: задача заключается в расширении и углублении движения солидарности, то есть приобщении к этому движению всех народов Азии и Африки. Следует затем добиться быстрой реакции движения на все мало-мальски важные процессы, происходящие в странах двух континентов, и, мне кажется, способствовать дальнейшему укреплению солидарности между африканским и азиатским, если так можно сказать, «отрядами» движения.

В Программе дальнейшей борьбы за мир, содержащейся в Отчетном докладе ЦК КПСС, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК Л. И. Брежнев, говорится: «Считать одной из важнейших международных задач полную ликвидацию всех остатков системы колониального угнетения, ущемления равноправия и независимости народов, всех очагов колониализма и расизма».

Такая задача стоит перед всеми борцами против империализма, за мир, демократию и социализм. Но она особенно актуальна для движения солидарности. Движение солидарности, накопившее положительный опыт в развертывании международных кампаний в защиту и поддержку Вьетнама, Анголы, Чили и народов других стран, должно развернуть постоянную международную кампанию в поддержку борцов за ликвидацию позорного расизма на юге Африки. Эта кампания объединит не только антиимпериалистические, антиколониалистские силы во всем мире. Она привлечет внимание всех гуманных людей, поскольку расизм — это оскорбление человеческого достоинства, это позорное явление, несовместимое с правами человека, провозглашенными Организацией Объединенных Наций. Так что перспективы движения огромны и многообразны, но сказанное в отношении Южной Африки мне представляется наиболее актуальным.

К своему двадцатилетию советское движение солидарности стран Азии и Африки приходит с полным сознанием стоящих перед ним задач, соответствующих новому подъему национально-освободительной борьбы на континентах Азии и Африки.

ВЕСЕЛЫЙ КОЛЕР НОВОСТРОЕК

Марат ЦЕБОЕВ
Фото автора.

Анатолий Яковлевич Панарин.

Мастерскую эту официально величают базой комплектации. Строители же называют ее просто «колерная». Колер, как известно, означает цвет краски, ее тон и густоту. В мастерской, о которой идет речь, производят строительную «косметику» домов — модную, современную, высокого качества. Здесь разнообразнейшие краски и меловые пасты, шпаклевка, замазка, грунтовка, мастика, отсюда поступают на стройки красивые облицовочные плитки, линолеум, обои. «Если бы дома умели ходить, то у колерной мастерской, что на Московской улице Калуги, выстраивалась бы очередь». Эту веселую мысль высказал один калужский строитель. Другой шутник продолжил: «И тогда в Калугу приходили бы наводить красоту многоэтажные великаны из других областей». Шутка шуткой, а к калужанам приезжают поучиться строители даже из-за рубежа — из ГДР, Венгрии, Чехословакии, Болгарии...

Заходишь в лакокрасочный цех колерной мастерской — словно на палубу корабля попадаешь: мостки, трапы, штурвалы, реи. Прозрачная остекленная рубка — там находятся командиры производства — старший мастер Зинаида Кашпирева и мастер Нина Золотарева. Гудит транспортер, медленно передвигая бочки с меловой пастой. Шумят, будто море волнуется, вальцы, перетирающие шпаклевку. Операции у краскотерки четко выполняют Нина Кеслер и Аня Чистякова.

По цеху неторопливо ходит «капитан», которому подвластно это море красок, или, по-нашему, посухопутному, начальник колерной мастерской Анатолий Яковлевич Панарин. Мастера-рационализатора знают и любят строители-отделочники и в Калужской области и в других краях страны. Колерная мастерская — детище Панарина. Он ее строил, оборудовал, вложил много сил в механизацию почти всех производственных процессов, придумал установку, прозванную «каруселью». В авторском свидетельстве № 347216 она значится как «устройство для приготовления окрасочных составов и эмульсий».

Суть изобретения такова. Когда мы мешаем в стакане чай и действуем ложечкой достаточно быстро, то в центре образуется воронка. То же самое происходит и при перемешивании краски в баке. «Как избавиться от этой пустоты?» — частенько думал Анатолий Яковлевич Панарин. Ведь тогда бак можно будет наполнять краской доверху. Он проводил опыт за опытом, пока не пришло решение: в баке были установлены лопасти, не позволяющие жидкости прижиматься к стенкам. Пустота заполнилась краской, полезный объем бака стал максимальным. Потом Панарин занялся производительностью труда.

Колеры до того готовили по старинке. В ряд стояло четыре бака емкостью по триста килограммов. Пять рабочих загружали их, процеживали краску и заливали ее во фляги, которые вывозились на тачках. За смену получали полторы тонны краски... Панарин расположил по кругу на вращающейся установке восемь баков вместимостью каждый по тонне. Понадобилась голубая краска — нажимается соответственная кнопка, и голубой бак, продвинувшись по окружности, останавливается у места, куда подается тара. Нужна желтая — другая кнопка, и так далее. Обслуживают установку два человека, а за смену производится до двадцати тонн краски.

Талантливое изобретение Панарина высоко оценено строителями многих городов. Карусельные установки уже действуют в Новороссийске, Ростове, Кишиневе, Брянске, Рязани.

...Конструкторская деятельность увлекла Панарина еще в детские годы. Он, как и все мальчишки его родного Севастополя, был одержим страстью гонять на самокате и, естественно, построил и переломал их великое множество. Но в одиннадцать лет Толя Панарин смастерил самокат совершенно необычный — четырехколесный с педалями. Было это в 1928 году. Отец, увидев диковинную игрушку, улыбнулся: «На таком транспорте и по городу кататься можно. Только надо выучить правила уличного движения». Ярко раскрашенная самоделка привлекала всеобщее внимание.

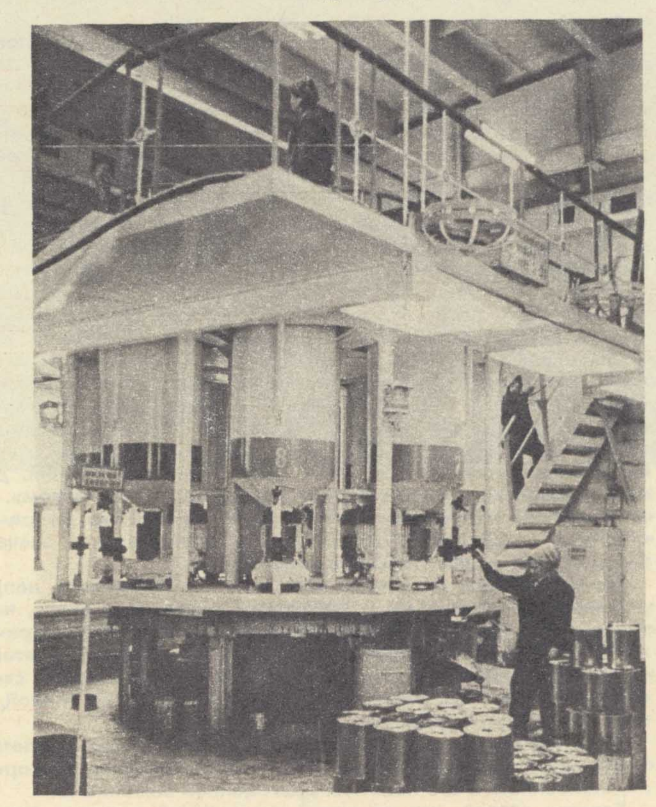
Любовь к красоте, искусству, природе, к миру цветов привила ему мать, Евгения Тимофеевна, непревзойденная вышивальщица. На плоских, отшлифованных морем камнях Толя рисовал пейзажи, привычные ему с детства,— корабли, горы, лодки под парусами, кипарисы. Окончив Севастопольский строительно-архитектурный техникум, он получил направление в Ленинград.

...Панарин уже был студентом вуза, когда грянула война. В список ополченцев одной из первых была внесена его фамилия. Отряд выступил с Пулковских высот. В вещмешке Анатолия среди нехитрого солдатского имущества лежали и краски. На коротких привалах он рисовал пейзажи, делал эскизы.

В бою под Нарвой молодой боец был контужен. Очнулся только через двенадцать дней в глубоком тылу. Лишь после войны узнал Анатолий о судьбе своих родителей: мать умерла в ленинградской блокаде, отец погиб, защищая Крым...

С 1952 года Анатолий Яковлевич Панарин работает в управлении «Калугастрой». За это время он подал сотни рационализаторских предложений. Возглавляемая им мастерская теперь ежегодно выпускает продукции на миллион рублей.

Недавно в Москве рассмотрели заявку на новое изобретение А. Я. Панарина, которое даст большую выгоду народному хозяйству...

Радужная карусель.

КОНЧАЛОВСКИЙ

Юрий ПИМЕНОВ,
народный художник СССР

Петр Петрович Кончаловский был ярким, крупным художником и таким же ярким, значительным человеком. Мощная фигура, широкое и очень симпатичное лицо, большие, сильные руки. Это был живописец от природы, художник активный, утверждающий мир, жизнерадостный.

Когда называют имя мастера, перед вами в первую очередь открывается душа его искусства, особый, им открытый и созданный его творчеством мир, давший людям картину явлений, которых они не знали или не замечали прежде.

Когда говорят: «Александр Иванов»,— мы видим и чувствуем деревья и ветви, южный свет и чистейший воздух, юных и прекрасных мальчиков, играющих у самого моря.

Произносят: «Дега»,— и перед нами словно возникают худенькие, нервные девушки, некрасивые, окутанные дешевым газом балетных пачек и неестественным светом театральной рампы. И мы проникаемся ощущением этого глубокого, умного и горького искусства.

С Врубелем мы входим в сумерки, лиловые и душные; там цветет душистая ночная сирень.

Сирень наполняет и многие картины Кончаловского, но это сирень другая — утренняя, сорванная со свежих кустов, с каплями росы, поставленная в большие, обязательно большие вазы или банки; эти букеты заполняют все пространство картины.

Вот такой густой, плотный, свежий мир — людей, вещей, природы, увиденный живо и непосредственно и написанный краской густой и плотной,— это мир Кончаловского.

Он впитал в себя сложные и мощные традиции — задорность русского лубка и пышность жостовского подноса, изысканность французского письма и выстроенность сезанновских полотен, глубокий русский реализм, сильную живопись Сурикова и создал свое искусство, очень русское, очень живописное.

У Кончаловского все крупное: рослые, здоровые люди и большие, крепкие яблоки в больших корзинах, крупные кони и мощные мужики; его холсты заполнены мясными тушами, овощами, дичью.

Характер Петра Петровича, весь уклад его замечательной семьи отличались духом утверждения жизни, радости, полным отсутствием равнодушия и чувством заинтересованности во всем.

Мне запомнился один вечер, когда я попал к Кончаловским в гости. За большим столом было много народа, и во всем царил какой-то особый, свойственный этому дому и его хозяевам дух любви к жизни, восхищения и юмора. Все, что в тот день исходило от Кончаловских, было в превосходной степени, в этом не было ни тени фальши, ни тени наигрыша. Все было органично, все было Превосходным Настроением с большой буквы. Петр Петрович написал в тот день лучший свой натюрморт. Окорок, привезенный из Бугров (загородной дачи), был отличным, огурцы были в лучшем маринаде, грибы, засоленные Ольгой Васильевной, были восхитительны. Наташе и Эсперанс выглядели великолепно. А потом Петр Петрович пел испанские песни, и тоже очень хорошо, душевно, музыкально.

Все, что он писал, было сочным, спелым, полнокровным, живым и теплым. Его произведения начисто лишены стандартов и аккуратности ремесленного искусства. И это роднит их с творениями великих мастеров. По-моему, английский скульптор Генри Мур правильно сказал: «Великое искусство несовершенно. Совершенное искусство не трогает меня... Попробуйте мысленно сравнить некоторые из поздних китайских произведений с полотнами Рембрандта. Его целью не было достижение совершенного мазка путем длительных упражнений. Для меня в этом заключена разница между искусством и ремеслом». А великий французский живописец Огюст Ренуар писал, что непременно надо «объяснять значение точности глаза и отрицательное значение точности циркуля»,— для искусства, конечно.

Действительно, формы, в которых существует мир, неправильны и уникальны. Неправильны и прекрасны деревья на ветру, каждый лист обладает своей неповторимой формой, совсем негеометрично нежное женское тело, разнообразны облака в небе, каждый цветок не похож на своего соседа. Каждая человеческая рука обладает своей особой индивидуальностью, бабочка летит только по своей кривой, время меняет все вокруг в природе.

Мне кажется, что и Кончаловский любил живую, трепетную форму со всеми ее неправильностями; эта форма, сохраняя всю прелесть жизни, становилась в его полотнах драгоценной живописью.

Хорошо помню, как на одной театральной выставке Петр Петрович говорил мне о том, как он любит естественность и живописность театрального эскиза и как, мягко говоря, совершенно равнодушен к макету, к его холодной аккуратности и чистоте. И хотя макет часто бывает необходим на известной стадии работы театрального художника, такая реакция Петра Петровича, любившего саму плоть живописи, всю аппетитную замешанность краски, ее фактуру, была мне совершенно понятна. И действительно, картоночки, реечки, веревочки, вся ремесленная сторона макета была ему совершенно чужда.

Сам он превосходно работал в театре. Всю красоту и звучность своей живописи он умел без потерь вывести на сцену, перевести в большой масштаб, и тогда она становилась подлинно театральной. Я очень хорошо помню его декорации «Кармен» в Большом театре: теплые, коричневатые, желтые, охристые тона и занавес, очень смело и энергично изображающий бой быков.

Я не искусствовед и не могу дать специального анализа искусства Кончаловского, не могу и рассказать его биографию. Я просто с удовольствием вспоминаю случаи, когда мне посчастливилось встретиться с этим прекрасным человеком, и с наслаждением готов перечислить целый ряд его картин, которые всегда были для меня интересны. Ведь это очень приятно, когда перед твоими глазами опять проходят отличные полотна, сделанные страстным человеком и страстным живописцем. И, может быть, вам, читатели, тоже захочется посмотреть их в музее, в книге, в репродукциях.

Это в первую очередь портреты, человечные по духу, плотные по цвету. Здесь я назвал бы портрет дочери Петра Петровича — Наташи, полный такого чувства жизни, которое, кажется, просто выплескивается из холста. Или автопортрет с женой, в котором мастер активно утверждает жизнь, любовь.

Все это очень хорошо, очень красиво написано.

Их много, таких жизнеутверждающих и сильных по живописи произведений: портрет Ольги Васильевны, жены художника, и автопортрет самого художника в желтой рубашке; сделанный остроумно и весело портрет Г. Якулова; исполненный в очень благородной гамме портрет С. Тройницкого; изображение танцующей внучки художника, созданное с моцартовской грацией.

В этой серии есть работы, сделанные в другом ключе, более строгом и сдержанном. Это портрет композитора Сергея Прокофьева — спокойный, задумчивый; замечательный портрет Всеволода Мейерхольда — грустный и одновременно изысканно-декоративный.

А потом идут многочисленные натюрморты, так сказать, коронные полотна мастера, в которых живопись Кончаловского достигает подлинного блеска. Огромные букеты свежей сирени, о которой уже был разговор, темные бутылки вина и яркая желтизна лимона, разные трубки и старинные штофы, батист платка, натюрморты с яблоками и корзинами, с бутылками кьянти, с ветчиной, написанной с завидным мастерством и необычайно «вкусно». Мясные туши, разная дичь, птицы и зайцы, кочаны капусты, самые разные овощи заполняют холсты, удивляя не только своим изобилием, но и мощью живописи, формы. Понимаешь, что художник пишет страстно, не сковывая себя. В этих произведениях чувствуется близкое присутствие человека, это не «мертвая натура» — жизнь в них бьет через край.

В натюрмортах он не ограничивается только вещами, предметами. Рядом с ними сияют и зимние окна, сквозь которые видны заснеженные дворы, заборы и деревья,— здесь ощущается дыхание пейзажей Кончаловского, которые так же свежи, так же темпераментны и разнообразны, как все, что он писал. Это главным образом русские снега, русская осень и зелень летних деревьев, старинные соборы и церкви, архитектура древних европейских городов.

В огромном художественном хозяйстве мастера есть все жанры изобразительного искусства, в том числе и жанровые картины, например, эпическое полотно «Купанье конницы», правдивое и точное по наблюдению жизни «Возвращение с ярмарки», семейная, искрящаяся юмором картина «Миша, пойди за пивом».

Этот большой художник и очаровательный человек жил в постоянной работе; он делал свое искусство сильно, достойно и весело, с большим удовольствием и с огромной любовью к окружающему нас миру. Петр Петрович Кончаловский был на редкость цельной личностью. Наследство, которое он оставил, огромно и превосходно.

Если окинуть взглядом все сделанное им, но не знать лично его самого, воображение подскажет именно такого человека — крупного, душевного, веселого.

П. Кончаловский. 1876—1956. АВТОПОРТРЕТ С ЖЕНОЙ. 1923.

П. Кончаловский. СИРЕНЬ В КОРЗИНЕ. 1933.

ПОЛКА. 1947.

Амо **САГИЯН**,
делегат XXV
съезда КПСС

ТАК ЖИВУТ КОММУНИСТЫ

Они и гнезда ласточкам
Свивали.
И слушали их щебет
На рассвете,
И со вселенской тьмою
Воевали.
И правда их шагала
По планете.
Они недаром
Цепи разрывали
Руками мускулистыми
На части.
И к счастью людям путь они
Искали
И указали
Путь великий к счастью.
И перед совестью
Предельно чисты,
В дни мирного труда
И в дни атак.
Так жили коммунисты!
Коммунисты
Жить напряженно
Продолжают так!

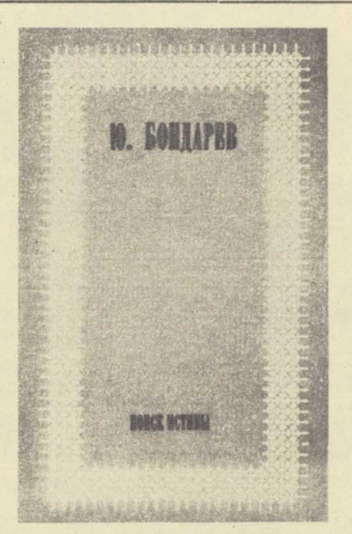
Пытали их враги.
И распинали яро.
И мучили огнем
На медленных кострах.
Но гордо шли на смерть,
На подвиг коммунары,
А палачи тайком
Испытывали страх...

Железо ковали
И поле пахали.
И продолжались
В своих сыновьях.
Под тяготы мира
Плечо подставляли,
Все тяготы мира
Держа на плечах.
Слагали свой опыт
В суровые были.
О жизни и счастье
Мечтали они.
Делили свой хлеб,
Но судьбу не делили
На черные дни
И на белые дни.
Не спали в походах.
Хотя и в походах
Им тоже, как всем,
Полагалось спать...
И рядом идущим
Всегда: «С добрым утром!»—
Как добрую весть,
Успевали сказать.
И что б на пути
Ни случалось тернистом,
Для всех безраздельна
Их доброта.
Так жили коммунисты!
Коммунисты
Жить на планете
Продолжают так!

Повсюду
Людям
Свет несли
Лучистый —
Светило солнце им,
Как кумачовый стяг...
Так жили коммунисты!
Коммунисты
Жить напряженно
Продолжают так!

Перевел с армянского
Анатолий ПАРПАРА.

ВЛАСТЬ ТАЛАНТА

Писательское слово... В традициях нашей литературы оно всегда связывалось с понятиями гражданственности, патриотизма, народности, защиты духовно здорового, реалистического начала в искусстве. Это, понятно, относится не только к писательской публицистике. Одно из последних тому доказательств — роман Ю. Бондарева «Берег», нащупывающий, в чем-то развивающий в своей художественной быстрине магистральную, философско-нравственную традицию русской классической литературы, и в то же время публицистически заостренный (когда автор смело вводит главу-дискуссию, в которой говорится о бездуховной сытости современного Запада, отстаиваются постулаты реализма и гуманизма).

«Поиск истины» — так назвал Ю. Бондарев свою новую книгу, сборник статей, очерков, эссе, вышедшую в издательстве «Современник» в серии «О времени и о себе».

Для Бондарева-писателя характерно стремление не оставаться в пределах привычных художественных форм. Чувствуется, что они иногда мешают ему высказать нечто очень важное, уже не укладывающееся в традиционные жанры прозы. Так появилось, в частности, несколько журнальных циклов «Записных книжек», художественный лаконизм которых позволил спрессовать впечатления, сгустить образ-мысль до одной-двух страничек. Так писались и литературно-критические статьи и очерки, вошедшие в новую книгу. Только это именно та критика, которая в известном постановлении ЦК нашей партии не случайно определена как «литературно-художественная».

Если разобраться, перед нами все та же бондаревская проза — литая, мускулистая, с точными определениями, как бы оперяющими фразу, которая сразу обретает свободу, разбег и полет. Однако в художественной прозе мысль растворена в образах, характерах, положениях и прямо выражает себя только в авторских отступлениях; здесь — мысль обнажена. Связь с жизнью, активное вмешательство в нее — то, что так необходимо критике и публицистике,— проявляется и в полемике с зарубежными оппонентами, и в поддержке добрым и строгим словом талантливых писателей-современников, и в доказательстве злободневности «уроков классики», и в соотнесении современности с недавним, огневым и героическим временем. Возвращаясь к истокам своего творчества, к живым и резким впечатлениям Великой Отечественной войны, позволившим ему написать такие полюбившиеся читателю книги, как «Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Горячий снег», Ю. Бондарев создает статьи-очерки, не уступающие по силе изобразительности его повестям и романам:

«Мохнатые ракеты, прорезающие тьму, широко вставали на горизонте, багровый отблеск дрожит на проселочных дорогах, в зрачках солдат, идущих по обочине... Зарево ближе; разваливаются, трещат, будто выворачиваются в пламени дома, дымятся сады, остро, горячо пышет в лицо жаром, и везде этот огонь смерти: на брусчатке уже забытых по названию городов, на осколках витрин, возле подъездов, на пряжке ремня безобразно раздутого трупа немецкого солдата, лежащего на площади со странно подвернутой под голову рукой, с красным от огня стеклом часов на запястье... Город горит, город пуст».

В очерках «Память», «Рубежи», «Мое поколение», «Писатели-солдаты», «Сталинград», «Сны» Ю. Бондарев передает ощущение внезапного возвращения в прошлое, когда давнее, неистребимо врезавшееся в сознание заявляет о себе страшными и стереоскопическими образами. Неисчерпаемая тема Великой Отечественной войны, осмысление тех драматических и героических событий, которые четыре года переживала наша Советская Родина в муках и блеске воинской славы, продолжают волновать пытливого писателя. Но он остается в той же мере художником, когда размышляет и о тайнах искусства, о стиле и мастерстве, о классиках — Льве Толстом, Достоевском, Чехове, Бунине, о советских прозаиках — К. Паустовском, К. Воробьеве, В. Быкове, В. Богомолове, О. Берггольц, Ю. Додолеве. И, конечно, в статье о великом писателе современности — М. А. Шолохове.

«Уроки Шолохова», кажется, имеют особое значение для нашего словесного искусства,— шире — всей современной духовной жизни, и Бондарев превосходно, с глубоким проникновением в самую суть шолоховского творчества раскрывает эти уроки читателю в статье «Художник, обогащающий мир». Здесь проявляется и тяга Ю. Бондарева к высокому — именно в то время, когда определенными, враждебными нам силами идеалы подвергаются систематическому разрушению, планомерному «выветриванию»; и понимание подлинной оригинальности в литературе как простоты в отличие от оригинальности мнимой, мастеровитой, старающейся поразить воображение читателя заботой о «форме».

Народность и жизнетворность шолоховского творчества, как показывает Ю. Бондарев, еще раз — и неопровержимо — подтверждают бесперспективность модернистских ухищрений, которые (в разной концентрации) существуют не только на Западе.

Здесь следует остановиться поподробнее на позиции Бондарева, часто выезжающего за рубеж и выступающего на различных дискуссиях с западными оппонентами. Последовательная защита реализма, безоговорочное отрицание декадентских и модернистских извращений в искусстве ярко окрашивают ряд статей (в том числе и давшую название всей книге — «Поиск истины») в тона высокой гражданственности, придают этим выступлениям весьма принципиальный характер.

Партийная позиция Бондарева отстаивает подлинные духовные ценности. И в основе этого, очевидно, опыт Великой Отечественной войны, познанная художником мера гуманизма, добра и ненависти, вера в человека и его идеалы, только укрепившаяся вблизи самых страшных испытаний.

Книга «Поиск истины» пронизана пафосом утверждения, глубокой веры в бесконечные возможности реалистического искусства. Она являет нам и страстного публициста и вдумчивого, тонкого литературного критика, легко и доказательно привлекающего огромный материал как отечественной и мировой классики, так и литературы современной, советской. Она может служить примером для тех (довольно многочисленных) авторов тусклых и вялых статей, существование которых понуждает вспомнить древнюю притчу о том, как жаба надорвала себе голосовые связки, пытаясь научить орла искусству летать.

Искание истины с помощью слова — крылатого, образного, озвученного, инструментованного—такой предстает перед нами эта книга писателя Юрия Бондарева.

Олег МИХАЙЛОВ

Ю. Бондарев. Поиск истины. М., «Современник», 1976, 240 стр.

С. КАЛИНИЧЕВ,

фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

ДВУХСОТА

Весна на Украине выдалась дружная. Чуть запоздав, она вдруг пахнула теплом и, прошелестев дождями, ярко засинила небо. В один срок зазеленели ракиты и клены, вывалились из огромных почек каштанов еще не обсохшие, хитро сложенные листья. И, словно торопясь успеть к праздникам, все сразу зацвели сады: розоватые облачка окутали кроны абрикосов, узловатые ветви яблонь покрылись тысячами нежно-белых, похожих на крылья бабочки, цветов.

Весна всегда праздник, но в Днепропетровске нынче встретили ее с особой радостью. Город-революционер, город-воин, город-труженик отмечает свое 200-летие. Мощное дыхание Днепра смешивается с ароматом цветущих деревьев, с запахами свежих красок. Город прихорашивается, украшается кумачом, а по вечерам зеркальная гладь реки отражает разноцветье праздничной иллюминации.

Днепропетровцы любят свой город, гордятся его героическим прошлым, свято чтут традиции отцов и дедов, воспитывая на их примере новые поколения.

Медвяная пора цветения.

Театру оперы и балета исполнилось два года.

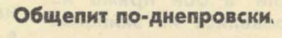

Высотный дом возводит бригада коммунистического труда имени 50-летия Советской власти, руководимая Иваном Маркевичем.

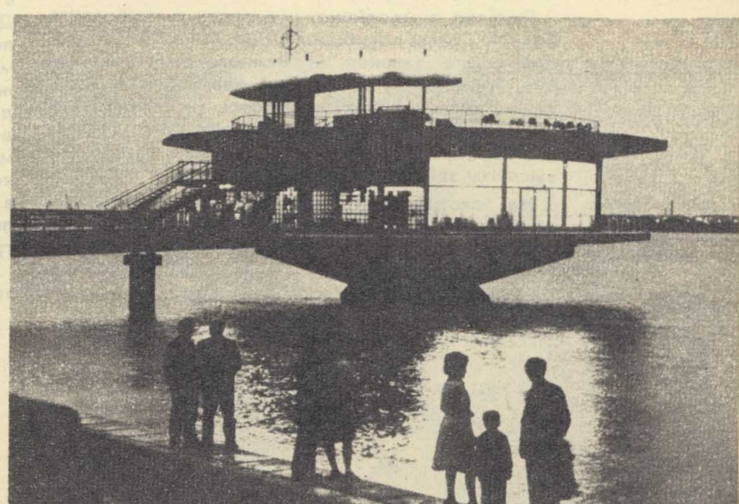
Я ВЕСНА ДНЕПРОПЕТРОВСКА

Ну, рыба, погоди!

Общепит по-днепровски.

Задуманный как южная столица русских царей, старый Екатеринослав так и не стал ею, оставаясь в течение столетия захолустным городишком. Но в последней четверти прошлого века здесь лихорадочно начали строиться заводы и фабрики, тысячи обездоленных устремились к ним в поисках куска хлеба. Близость донецкого угля, криворожской железной руды, обилие днепровской воды и дешевизна рабочих рук сулили предпринимателям — в основном бельгийским, немецким, французским — огромные прибыли.

Город стал одним из крупнейших центров рабочего и революционного движения. Уже в конце прошлого века в Екатеринославе было около семидесяти заводов и фабрик. Под руководством соратника В. И. Ленина — Ивана Бабушкина многочисленные рабочие марксистские кружки объединились в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который принимал участие в созыве и проведении I съезда РСДРП.

Вожаками екатеринославского пролетариата были Григорий Петровский — его имя ныне носит город, Исаак Лалаянц, Миха Цхакая, Серафима Гопнер, Розалия Землячка, Николай Скрипник, Эммануил Квиринг и десятки других.

На баррикадах первой русской революции сражались тысячи рабочих Екатеринослава. Восемнадцать суток над пролетарской Чечелевкой и Амур-Нижнеднепровском развевалось красное знамя свободы и, как прообраз будущей народной власти, действовал Совет рабочих депутатов. В августе 1905 года В. И. Ленин писал: «Примеру екатеринославских и борисоглебских товарищей должны последовать и последуют в более и более широких размерах товарищи социал-демократы по всей России».

В декабре 1917 года рабочие местных заводов смело восстали против буржуазно-националистической Центральной рады. Успеху восстания способствовала помощь московских и петроградских красногвардейцев, которыми командовал А. И. Егоров.

Днепропетровцы прославили свой город на полях сражений гражданской войны и в тягчайших условиях борьбы с разрухой. И поныне, как памятник о тех незабываемых днях, на запасных путях у завода имени Г. И. Петровского стоит одна из сработанных в его цехах бронеплатформ. Это о ней вспоминал Михаил Светлов, который тут вырос, был одним из запевал комсомолии, когда писал: «Мы — мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!».

Как ощутима здесь связь поколений, боевого и трудового подвига! Не мог не знать знаменитой «Гренады» М. Светлова уроженец Днепропетровска, воспитанник технического училища Саша Матросов, ставший бессмертным Александром Матросовым. Революционная Чечелевка дала замечательного Героя Советского Союза — полярника Петра Ширшова. Выросший в Лоцмано-Каменке — части города, где жили многие поколения отважных лоцманов, проводивших суда по днепровским порогам,— Алексей Федоров в годы Великой Отечественной войны стал прославленным партизанским командиром, дважды удостоенным звания Героя Советского Союза.

Чудеса храбрости проявляли защитники города в августе сорок первого. Бои на территории заводов имени Карла Либкнехта и имени Коминтерна не раз переходили в рукопашные схватки. Изготовленное здесь оружие и отремонтированные танки шли в бой прямо из цехов, где часто формировались их экипажи.

Глубоко символично, что огонь у монумента Вечной Славы погибшим в Великой Отечественной войне зажжен от Вечного огня революции, горящего у проходной знаменитого завода — Петровки, как его здесь называют. Сто сорок девять уроженцев города стали Героями Советского Союза, а шестерым из них это высокое звание присвоено дважды.

На заводах Екатеринослава работал талантливейший металлург Михаил Курако, здесь создавал свою школу выдающийся советский ученый-прокатчик А. П. Чекмарев, небывалых результатов достиг сталевар Герой Социалистического Труда П. С. Махота, сваривший за свою жизнь 20 миллионов тонн стали.

На каждом днепропетровском заводе — а их ныне полторы сотни—назовут множество имен героев труда. И, готовясь к юбилею родного города, днепропетровцы в своей далекой и совсем недавней истории черпают силы и вдохновение для новых трудовых подвигов.

Днепропетровцы гордятся тем, что их областную партийную организацию возглавлял выдающийся деятель нашей партии и государства Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Руководителями областной партийной организации были член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Андрей Павлович Кириленко, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины Владимир Васильевич Щербицкий.

Сейчас в городе каждый чувствует себя именинником, а это почти миллион человек. Полмиллиона работающих. Годовая стоимость продукции, которую они изготовляют, давно перевалила за три миллиарда рублей. Это металл, трубы, станки, тяжелое оборудование, шины, сельскохозяйственные машины, электровозы, радиотовары, трикотаж, бумага — всего не перечтешь.

Кто же они — сегодняшние именинники? Вот несколько имен: Михаил Тихонович Прохоров — старейшина рабочих трубопрокатного завода имени В. И. Ленина, коммунист с 1905 года; Иван Иванович Огнев, который, несмотря на свой уже 63-летний трудовой стаж, до сих пор работает слесарем-инструментальщиком на заводе имени Коминтерна; Иван Евтихиевич Маркевич — бригадир строителей, с именем которого связаны крупнейшие стройки последних трех пятилеток в области и городе: сейчас его бригада возводит 28-этажный дом в новом жилом массиве Победа на самом берегу Днепра.

Живет в Днепропетровске семья Екатерины Викентьевны Позументщиковой. Оставшись еще до войны вдовой, она одна подняла своих сыновей и дочерей. Четверо старших сражались за Родину. Девять ее детей стали коммунистами. Недавно у нее появился еще один правнук,— сотый член этой замечательной семьи, где есть учителя и рабочие, ученые и строители. Один из сыновей — заместитель директора завода, а один из внуков, ставший в 32 года главным инженером флагмана днепропетровской индустрии — завода имени Петровского, ныне главный инженер института «Гипромез», где проектировалась криворожская домна № 9 — крупнейшая в мире.

...Город на Днепре ныне молод и красив, как никогда раньше. Просторные, чистые улицы, любовно ухоженные бульвары и парки, сверкающие радужной керамической облицовкой большие дома новых районов высятся над зеркальной гладью реки.

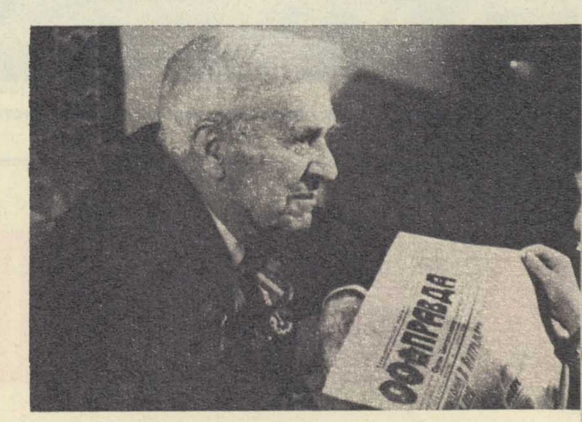
Особенно вырос и помолодел город в последние годы. Некогда захламленные складами и свалками берега реки расчищены, построена красивая 30-километровая набережная. Река одета в гранит. Вдоль нее, с выходом на речной простор, выстроились дома района Победы, центра, а там, за парками, за речным портом, смотрятся в воды Днепра и другие новые жилые массивы — Красный Камень, Коммунар, Парус. Словно армады многопалубных кораблей, плывут вдоль левого берега высокие дома — новостройки Солнечного, Лазурного...

Находясь в эти дни в городе, начинаешь верить, что приготовления к празднику доставляют не меньше радости, чем сам праздник: наплыв посетителей в музеях, паломничество в картинную галерею и диораму «Битва за Днепр»... У вокзала идут последние приготовления к открытию памятника Г. И. Петровскому. Книголюбы с радостным нетерпением ждут открытия Дома книги. А газеты этих дней пестрят заметками о новых трудовых достижениях металлургов и трубопрокатчиков, машиностроителей и химиков, проектировщиков и ученых, о готовящихся премьерах в театрах. У подъездов новых домов строители оставляют будущим новоселам свои автографы: «Добро пожаловать!»

«Добро пожаловать!» — говорим мы двухсотой весне Днепропетровска.

Свадебное путешествие.

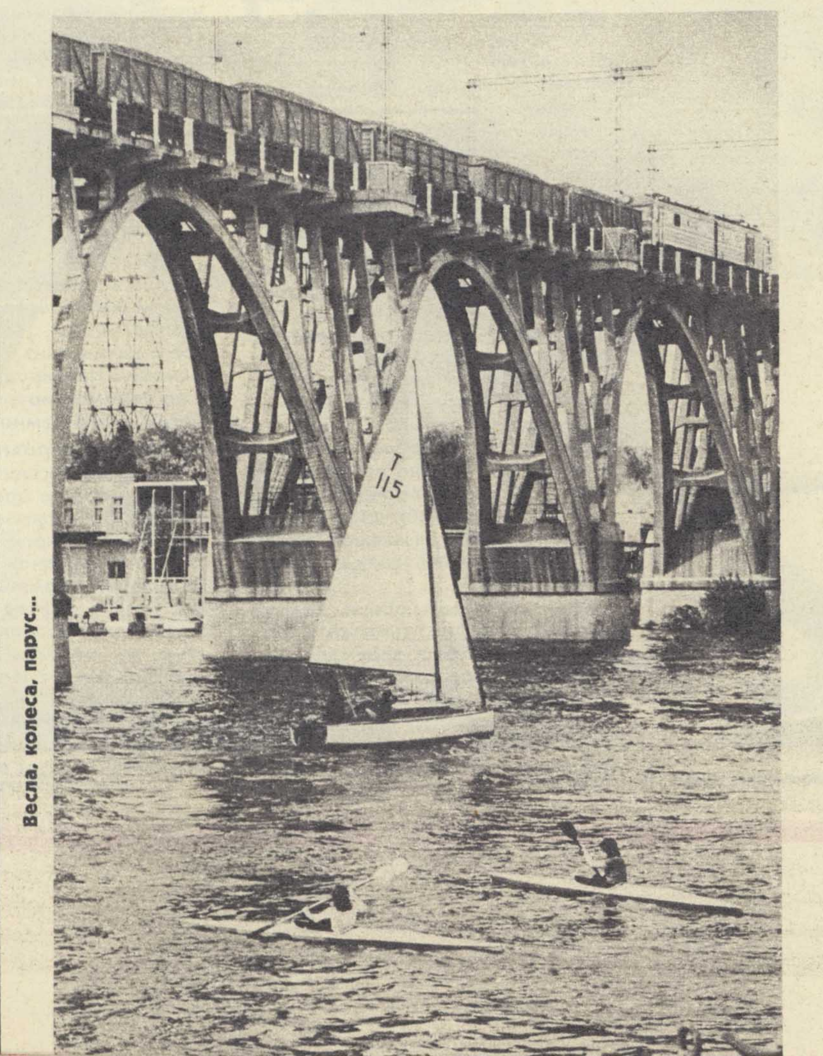
Член КПСС с 1905 года Михаил Тихонович Прохоров с внуком Андрюшей.

«Жизель». Премьера.

Весла, колеса, парус...

По новой травке.

На пороге десятого класса.

С любовью к людям

Более сорока лет назад совсем юный Максим Цагараев, окончив начальную школу, пришел с котомкой за плечами из родного осетинского села Алагира в город Дзауджикау (ныне Орджоникидзе) поступать на рабфак. Так начался для бывшего пастуха путь к знаниям.

Через несколько лет в периодической печати стали появляться стихи студента Северо-Осетинского педагогического института Цагараева. А уже в 1940 году он выступил одним из четырех соавторов вышедшей на осетинском языке книги «Мы любим».

В первые дни Великой Отечественной войны М. Цагараев написал два страстных стихотворения — «Призыв» и «Клич боевым друзьям». Эти стихи он как бы адресовал и самому себе. Окончив Камышинское танковое училище, Цагараев сражался под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге, в Польше, Румынии и Венгрии. Вместе с боевыми друзьями-танкистами освобождал города и села, брал большие и малые высоты.

...На высоту с юбилейной отметкой «60» Максим Цагараев шел боевыми дорогами, поднимался по ступенькам своих произведений. Первой из них в послевоенные годы была книга очерков и рассказов «На западе» — о подвигах легендарных казаков генерала Плиева; второй — «Солнце золотое», о фронтовиках и самоотверженных тружениках тыла. Эта повесть — значительное произведение осетинской прозы тех лет. А за ними — новые книги повестей, легенд, очерков и рассказов. Всего их более двадцати.

Одновременно Максим Цагараев пишет стихи, работает над драматургическими произведениями, создает киносценарии. Его произведения согреты человеческой добротой и любовью к людям, заинтересованностью в их судьбах, в их успехах.

С особенной теплотой написаны рассказы о великом сыне Осетии, писателе Коста Хетагурове, оказавшем большое влияние на творчество самого Цагараева.

Значительным в творчестве писателя является небольшой по объему рассказ «Коммунист». В нем идет речь о человеке, вся жизнь которого отдана служению народу. Рассказ достоверен, психологически убедителен и символичен.

Заслуженный деятель искусств Северо-Осетинской АССР, лауреат премии имени Коста Хетагурова Максим Николаевич Цагараев плодотворно сочетает многогранную литературную работу с большой общественной деятельностью. На жизненном пути сделано немало и доброго. Это дает основание верить, что будут новые свершения, отмеченные самобытным талантом писателя-коммуниста, писателя-бойца.

Георгий **ЛАДОНЩИКОВ**

ДОРОГИЕ МОИ ЗЕМЛЯКИ

Алексей **ЮГОВ**

«Тобол — река моего отрочества. Курган, Куртамыш и слобода Каминская — родные, незабвенные места... Юные земляки мои! Когда вы доживете до моих лет, вы на своем опыте узнаете, с какой явственностью встают на закате дней воспоминания детства, отрочества и юности и какой отрадой наполняют они душу...» Я невольно вспоминал эти свои слова, обращенные к юным курганцам, когда недавно вновь оказался на родимой земле.

Каков был старый, дореволюционный Курган? Плоский, почти сплошь деревянный уездный городишко, где пожарная каланча была самым высоким строением. Захолустье, затерявшееся в степной излучине Тобола. Таким он мне и запомнился.

А ныне, ныне Курган — это сплошь каменная, щедро озелененная, сияющая своими белоснежными зданиями, в полном смысле слова с т о л и ц а ордена Ленина Курганской области. Да, такую вот высокую награду еще в 1959 году снискали трудами и подвигами для своей области курганцы. И прозою и стихами отметили тогда в печати это радостное событие курганские литераторы, агитаторы и пропагандисты, исследователи-историки, повествователи и о гражданской войне, и о Великой Отечественной, и о курганской героической пугачевщине, и о сосланных в Курган декабристах (а их тринадцать здесь было). И не отрадно ли теперь отметить, что к 150-летней годовщине восстания декабристов в доме, когда-то принадлежавшем декабристу Нарышкину, создан изумительный музей...

Архитектурный облик белокаменного Кургана, светлый и одухотворенный, был задуман и воплощен в неразрывном единстве с замечательными памятниками и мемориалами. Курганцы с благодарностью приняли братское содействие ленинградских зодчих.

В Кургане каждый может еще и еще раз воочию убедиться, что у нас действительно никто не забыт и ничто не забыто.

У обелиска в честь Великой Победы — исполинский стальной штык, острием своим возносящийся к самым облакам,— юноши Кургана, уходящие в ряды Советской Армии, дают клятву верности Родине, клянутся быть достойной сменой героических отцов и дедов.

В день 25-й годовщины Великой Победы у обелиска вспыхнул огонь вечной славы и установлены были урны с землей городов-героев.

Более двухсот тысяч курганцев воевало на фронтах Великой Отечественной войны. Девяносто удостоены звания Героя Советского Союза, а трое — и второй Золотой Звезды: С. И. Грицевец, К. А. Евстигнеев, Г. П. Кравченко.

В мирные дни Курган и область стали и землей Героев Социалистического Труда.

* * *

Курганский научно-исследовательский институт экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии возглавляет доктор медицинских наук Гавриил Абрамович Илизаров, чье имя давно уже ведомо хирургам и травматологам всего земного шара.

Читатель, вероятно, помнит трагическое происшествие с рекордсменом мира по прыжкам в высоту Валерием Брумелем. С тяжелым переломом ноги, искалеченный, он после неоднократных, но, увы, безуспешных вмешательств хирургии впал в полное отчаяние: пожизненная инвалидность! К счастью, он очутился наконец в Кургане, «в руках» Илизарова. В итоге — Брумель стал на ноги...

Событием отраднейшим и незабываемым останутся для меня встречи и беседы с Терентием Се-

меновичем Мальцевым, ныне дважды Героем Социалистического Труда, большим ученым, создателем известной во всем мире «курганской системы земледелия». Это было накануне его восьмидесятилетия.

Терентий Семенович, как всегда, бодр, быстр, остроумен. На необозримых колхозных гектарах за ним только поспевай! Этим он мне невольно напомнил академика Ивана Петровича Павлова, с которым встретиться мне довелось вот так же перед его восьмидесятилетием...

«Полевод колхоза «Заветы Ленина» — это звание Терентий Семенович, обладатель наивысшего ученого звания — почетного академика ВАСХНИЛ, никогда не оставлял и гордится им. Из стен колхозной «хаты-лаборатории» ведь и вышли его агрономические, вернее, агробиологические воззрения, столь плодотворные для засушливых областей.

В самом деле, кто не изумится, услыхав, что можно, оказывается, «заставить засуху, которая губит урожай, помогать нам его выращивать»? Но выслушайте народного академика, и тогда это его изречение перестанет казаться парадоксом:

— Некоторые работники сельского хозяйства при недороде хлеба кивают на засушливую погоду. Разберем, что такое засуха. Это избыток тепла при недостатке влаги в почве. Засуха губит урожай потому, что в почве нет воды. Но если на июнь обеспечить растение влагой, то избыток тепла, обусловленный засухой, будет только полезен растениям. У нас есть все возможности превратить неблагоприятные для растения факторы в благоприятные, заставить засуху, которая губит урожай, помогать нам его выращивать.

Вкратце основа мальцевской агротехники — это надежно закрыть влагу в почве и «спровоцировать», а затем уничтожить сорняки. Для этого — безотвальная вспашка, без оборота пласта.

Коммунист, делегат XXIV и XXV съездов КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР, Терентий Семенович вооружен глубочайшими знаниями марксистско-ленинской диалектики. Он убежденно призывает следовать ей, опираться на нее в любой новаторской, преобразующей работе.

Обладает он и обширнейшей эрудицией в области классической философии. Его личная библиотека огромна. И есть у него давняя милая привычка, известная его курганским друзьям: возьмет во время беседы книгу кого-либо из философов и заставит тебя прочесть вслух отчеркнутые цветными карандашами места. Не миновал этого и я.

Обаятельна в нем простота, радушие, столь присущие выдающимся сынам советского народа.

О Мальцеве пишутся книги...

* *
*

Был я и в прославленном орденоносном совхозе «Красная звезда», Шадринского района. Руководит им на протяжении многих лет человек с золотой звездой Героя Социалистического Труда на груди и боевыми орденами — Григорий Михайлович Ефремов. До него это был гиблый, безнадежно убыточный совхоз. По весне, как рассказывают, совхозная корова у единоличной охапку соломы выпрашивала!

В 1946 году, едва оправившийся после тяжелых ранений, Ефремов дал согласие партийному руководству своей родной области работать в сельском хозяйстве. Земледельческую технику он знал, но еще и еще стал учиться, стремясь в совершенстве овладеть всеми ее видами. О, как же это помогло ему вскоре! Вслед за директором почти каждый из его совхозных соратников возжелал стать мастером совмещенных профессий: он тебе и комбайнер, и тракторист, и шофер, и слесарь, и монтажник, и кровельщик, и каменщик, и стекольщик. И вот совсем не стало в совхозе сезонно занятых. Совхозу — безмерная помощь, работникам же — полноценная оплата труда. И полная оседлость: от добра добра не ищут! Эта реформа — одна из основных в стиле ефремовского руководства.

А второе — это то, что можно бы назвать своего рода «демократическим централизмом»: Ефремов ведет, возглавляет, но отнюдь не отымает ответственности каждого за свой участок, а, напротив, поощряет и требует ее: «Ты — хозяин своего участка!» У него есть совет, в который входят специалисты всех родов — от биохимиков до рядовой свинарки. До «рядовой», сказал я, однако тут же следует по справедливости оговорить, что среди воспитанных Ефремовым свинарок немало тружениц с высокими правительственными наградами.

И в заключение необходимо сказать, что для удовлетворения жилищно-бытовых и культурных потребностей человека в совхозе созданы такие условия, что иному городу только позавидовать. Молодежь не хочет уходить из ефремовского совхоза...

* *
*

А как рассказать о промышленности родного Кургана? Вот наикратчайший ответ: станки, автобусы, тягачи, всевозможное оборудование, медицинские препараты — все это, производимое здесь, экспортируется во многие страны мира!

Невозможно не сказать особо о локомотивном депо Кургана. Это здесь возгорелось историческое (иначе не назовешь его!) движение «тяжеловесников» — движение могучее, массовое, самоотверженное. Ведь, бывало, дабы не ставить паровоз на ремонт, не гасить топку, а исправить неполадку тут же, на путях, кто-либо из бригады, обычно машинист, забрасывал верх топочного жара каменным углем, «осаживал» адский пламень и влезал в топку... «Тяжеловесники» удесятеряли своим неслыханным удлинением и сверхпогрузкой составов доставку грузов на фронт.

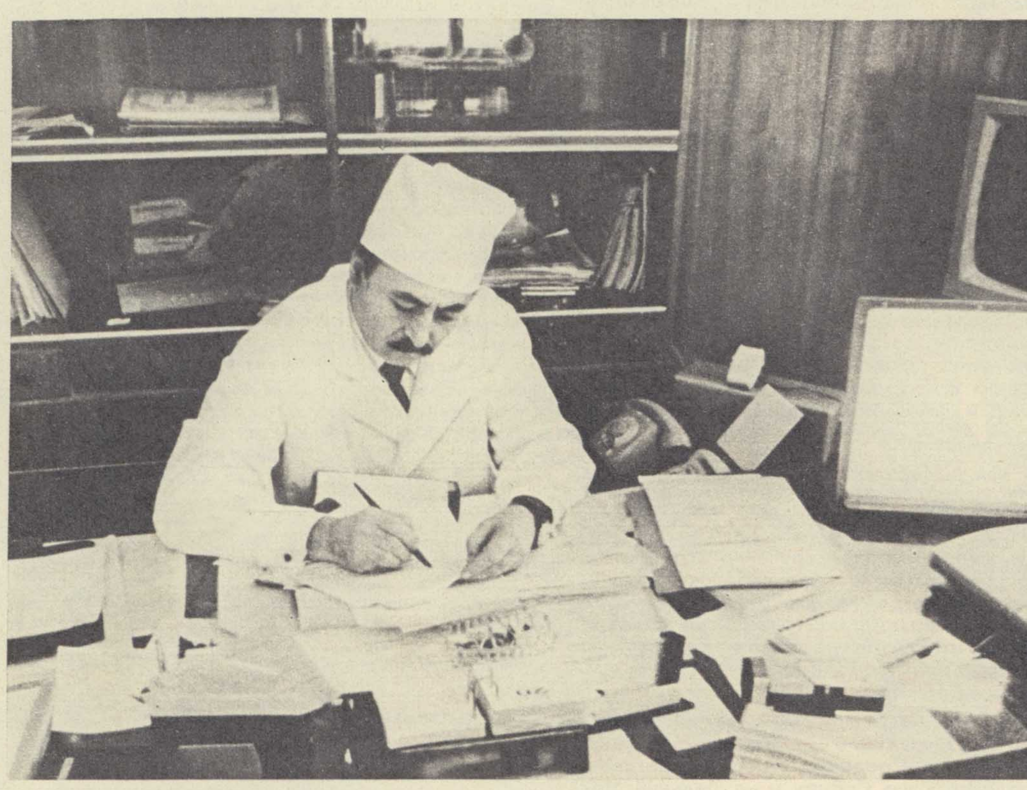
Имена? Это и старый богатырь Иван Блинов, Герой Социалистического Труда, и его ученик Борис Карпеш, также Герой Социалистического Труда, и орденоносец Утюмов, и — приходится употребить дежурное — «и другие». Но среди этих «других» шестьдесят один человек — кавалеры ордена Ленина!

Самое депо? Ищу слова... Это исполинский дворец-лаборатория, сплошь электри- и радиофицированный. Сталь. Стекло. Белый камень. Диспетчерское управление.

А в Музее славы — целый шатер наградных знамен. Одно из них — Красное знамя Государственного Комитета Обороны, которое за самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны оставлено героическому коллективу на вечное хранение...

Просматривая сейчас в своем сознании «ленту» незабываемых и вдохновляющих впечатлений от побывки в родном краю, вдруг спохватываюсь: «А что же ты о сельскохозяйственном институте, о педагогическом, о заводе колесных тягачей имени Карбышева, о Дворце пионеров, о Дворце печати, о Музее краеведения ничего не сказал?» Но ведь где тут: не книга!

В заключение скажу: пусть каждому из писателей выпадет счастье созерцать в своем родном краю грандиозную панораму столь же вдохновенного пламенного труда, которым наши курганцы победно завершили девятую пятилетку,— труда поистине коммунистического.

Гавриил Абрамович Илизаров.

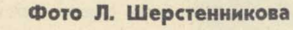

Фото Л. Шерстенникова

Терентий Семенович Мальцев. Фото А. Гостева

«Развивать теоретические и экспериментальные исследования в области... оптики, астрономии в целях ускорения научно-технического прогресса...»

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Директор Специальной астрофизической обсерватории Академии наук СССР доктор физико-математических наук Иван Михеевич КОПЫЛОВ отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Александра Харьковского.

начале — темнота зала, яркие россыпи звезд и водовороты галактик — первые фотографии, сделанные на самом большом в мире советском телескопе. А потом, когда зажгли свет, посыпался звездопад вопросов и сам докладчик попал в людской водоворот, оказался в центре внимания маститых ученых.

Это было во время годичного собрания Академии наук СССР на Отделении общей физики и астрономии. Доклад делал доктор физико-математических наук, директор Специальной астрофизической обсерватории Иван Михеевич Копылов.

Специальность Копылова, его любовь и страсть — изучение далеких внегалактических объектов, которые можно увидеть лишь в самые сильные телескопы. Копылов побывал в лучших обсерваториях Европы и Америки, где вел свои наблюдения далеких галактик. И вот, наконец, мощнейший в мире телескоп установлен в руководимой им обсерватории. Можно засесть за работу.

«Создание уникального телескопа — крупное достижение отечественной науки и техники. Перед советскими учеными открылись возможности еще шире развернуть научный поиск, более глубоко проникнуть в тайны Вселенной, внести новый вклад в сокровищницу познаний человечества»,— говорилось в поздравлении Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева ученым, проектировщикам и строителям Большого азимутального телескопа.

Мы встретились с Копыловым после его выступления перед учеными и попросили ответить на наши вопросы.

— Иван Михеевич, сразу после вашего доклада выступил академик В. П. Линник (кстати, один из авторов гигантского рефлектора) и предложил поставить в повестку дня создание большого лунного телескопа, мотивируя это тем, что на Луне условия для наблюдений лучше — нет атмосферы, а, кроме того, сам телескоп из-за малой силы тяжести удалось бы сделать еще более элегантным. Что же касается перевозки столь большой конструкции, то, как заметил ученый, лет через 10—15 (а столько времени ушло на строительство шестиметрового рефлектора) это вряд ли будет представлять собой проблему — космическая техника уйдет далеко вперед. Как бы вы отнеслись к тому, если бы ваш телескоп перенести на Луну?

— Что ж, перспективы всегда привлекательны. А такие уникальные астрономические инструменты, как наш БТА — Большой азимутальный телескоп,— открывают перед наукой новые горизонты и вдохновляют на дерзкие мечты. У нас в руках оказался замечательный астрономический инструмент — воплощение мечты многих поколений ученых. Мы еще даже не знаем пока всех его возможностей. Специалистами высказываются предложения установить большой рефлектор и на орбитальной станции, там в отличие от Луны вообще тяжести нет и огромное зеркало могло бы быть очень тонким.

Однако в первую очередь за пределы Земли выносятся аппараты, которые не могли бы эффективно работать на ее поверхности, например, рентгеновские телескопы; ведь рентгеновское излучение поглощается атмосферой и не доходит из космоса до поверхности Земли.

Гигантские оптические телескопы в космос пока не вынесешь. Во-первых, для них условия вне Земли не столь отличаются от тех, что существуют высоко в горах, и, во-вторых, это многотонные махины. К тому же каждый научный факт, полученный на Земле, обходится примерно в десять раз дешевле, чем тот же факт, добытый в космосе. Не надо забывать также, что работа в космосе — всегда риск. Вот пример. Американцы около десяти лет назад запустили орбитальную астрономическую станцию с небольшими телескопами. Но почему-то не сработала автоматика, не открылись крышки телескопов, и станция превратилась в груду ненужного металла. 60 миллионов долларов — такова стоимость станции — пропали зря. А ведь на них можно было построить два телескопа типа Паломарского да еще эксплуатировать их в течение двадцати лет!

Космические и наземные исследования надо разумно сочетать — вот моя точка зрения. Эти два способа познания Вселенной не конкурируют, а дополняют друг друга.

— «Огонек» писал уже о новом телескопе — и тогда, когда БТА был еще, как говорится, в колыбели, и когда новорожденного везли к месту установки. И вот теперь Большой азимутальный встал во весь свой гигантский рост. Расскажите, пожалуйста, что вам больше всего запомнилось при строительстве телескопа?

— Трудности, связанные с созданием гигантского зеркала. Опыта его создания и монтажа ни у нас, ни в мировой практике не было. Достаточно сказать, что 70-тонная отливка, из которой его сделали, вообще самое большое изделие за всю пятитысячелетнюю историю стекловарения. Только на то, чтобы снять 28 тонн припуска, ушло 15 тысяч каратов алмаза. А сколько терпения потребовалось, чтобы заготовка получилась целой, без малейших трещин. Ведь остывание стеклянного диска продолжалось 2 года и 4 дня.

Но особенно запомнился мне день, когда государственная комиссия — возглавлял ее академик А. Прохоров — приняла эту гигантскую, будто серебряную, чашу. А потом предстояла еще одна огромная трудность — довезти 6-метровое зеркало к месту установки, до Северного Кавказа.

Никто не рискнул сразу везти само зеркало. Вначале по воде до Ростова, а затем по дороге до обсерватории у станицы Зеленчукской был отправлен его макет. И только после такой репетиции, когда все было проверено, в путь тронулось само зеркало. При транспортировке учли все: и защиту его от солнца или непогоды и даже от возможного удара молнии.

— А как выбирали место для обсерватории? Ведь когда начали проектировать и создавать большой телескоп, не было еще известно, где его установят, не так ли?

— Да, верно. Но я не случайно вспомнил о трудностях, связанных с его перевозкой. Они, конечно, тоже ограничивали район, где могла строиться обсерватория. Трудно представить, как эту почти 50-тонную махину удалось бы отправить, к примеру, в Восточную Сибирь или на Дальний Восток.

Для выбора места под обсерваторию было послано 16 экспедиций — в Крым, на Кавказ, в Закавказье, в Среднюю Азию и — да-да! — также в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Ученые искали такое место, где в течение года бывает много ясных, безветренных ночей и небо прозрачно. Чаще всего таким условиям отвечает высота в два и более километров на отдельно стоящей вершине. Такое место было найдено в Карачаево-Черкессии в 40 километрах от станицы Зеленчукской. Помимо прочего, здесь еще и сельскохозяйственный район, крупной промышленности нет, так что воздух вокруг исключительно чистый.

Итак, выбрали гору Пастухова, провели на ней наблюдения за звездами и решили ставить телескоп именно там. Затем начали строить на гору дорогу, которая могла бы выдержать грузы до ста тонн, и возводить башню для телескопа.

Каждый метр горной дороги брали взрывом, причем думали и о том, чтобы не покалечить гору. А башню строили таким образом, чтобы она своей формой не изменила обтекание телескопа воздухом, не выделяла тепла, мешающего наблюдению, и вместе с тем укрывала телескоп от Солнца.

Башня получилась высотой с 20-этажный дом, серебристой и очень красивой. Признаюсь, мне нравится наша обсерватория даже внешне...

— Что вы почувствовали, когда гигантский телескоп занял положенное ему место,— радость, облегчение?

— Радость — конечно, облегчение — нет. Теперь начинался новый этап, этап нашей, тоже нелегкой работы.

Дело в том, что БТА — главная часть большого астрофизического комплекса. Можно сравнить его с мотором автомобиля. Так же, как автомобиль не может ехать без колес, так и наш телескоп не может работать без большого ансамбля чрезвычайно деликатных астрономических инструментов — светоприемников, астроспектрографов и многого другого. Ведь мало поймать луч далекой звезды, нужно еще зафиксировать его, разложить в спектрограмму, чтобы выяснить, какую информацию принес он из глубин Вселенной. Все это и делают астрофизические приборы, увеличивая при этом зоркость и проницательную способность БТА. И нашей промышленности и нам, сотрудникам обсерватории, удалось создать такой ансамбль приборов. Я бы сравнил его с обрамлением для огромной драгоценности, которую представляет большой телескоп.

— О работе БТА можно судить по снимкам далеких галактик и звезд, которые вы, Иван Михеевич, демонстрировали физикам и астрономам. Итак, звезды «благословили» новый инструмент, который, пожалуй, можно назвать большим оком нашей планеты. Расскажите, пожалуйста, какие перспективы он открывает перед наукой?

— Главная задача современной астрофизики — наблюдение предельно слабых объектов, звезд и галактик. А чем больше зеркало рефлектора, тем более слабые источники нам доступны. Так вот, на телескопе удалось уже зафиксировать звезды 24-й величины. Это примерно в десять миллионов раз слабее, чем может увидеть глаз человека.

Конечно, и американский телескоп «видит» в хорошую погоду объекты 23-й и 24-й звездной величины. Но у нас есть резервы, которых нет у «большого американца»: на горе Пастухова лучшие атмосферные условия, чем на Маунт-Паломар. Мы еще не развернули во всю ее мощь светоприемную аппаратуру. И самое главное достоинство нашего телескопа — это примерно в полтора раза большая площадь зеркала. Расчеты и исследования позволяют надеяться, что ему будут доступны космические объекты даже 26-й звездной величины. В последние годы открыты интереснейшие звезды — пульсары и квазары, переменные и взаимодействующие галактики, и все они, как правило, находятся на границах, едва лишь доступных для наблюдений. А теперь мы сможем их

●

Вот оно, главное око Земли!

Идет подготовка аппаратуры к наблюдениям.

Звезды земные.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Наедине со Вселенной.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

БОЛЬШОЕ ОКО ПЛАНЕТЫ

лучше рассмотреть, полнее раскрыть их природу и, безусловно, откроем много нового, такого, о чем сейчас, возможно, и не догадываемся,— ведь космос в своем разнообразии неисчерпаем.

Разумеется, нам интересны не любые слабые звезды, а те, что находятся на поворотных стадиях своей эволюции, например, вспыхивающие звезды, взрывающиеся, сбрасывающие массу. Изучая их, мы не только познаем эволюцию материи во Вселенной, но и пытаемся предвидеть будущее рядовой звезды в одной из обычных галактик — будущее нашего Солнца.

— Назовите, пожалуйста, одну из самых интересных работ, планируемых на новом телескопе.

— Есть во Вселенной такие странные и весьма загадочные объекты, которые называют «черными дырами». Считают, что это последние стадии жизни звезды, когда ее вещество «сжимается» и становится таким плотным, что даже луч света не в силах вырваться из его гравитационной «могилы».

Как же их наблюдать? А дело в том, что прежде чем исчезнуть в недрах «черной дыры», вещество вспыхивает на тысячные доли мгновения. Вспышку под силу заметить лишь очень большим телескопам, таким, как наш или Паломарский. Но заметить — это значит и зафиксировать. Для этого мы создали особый прибор с одиозным названием МАНИЯ, который, впрочем, расшифровывается просто как «многоканальный анализатор наносекундных изменений яркости».

— Будут ли вести на телескопе наблюдения специалисты зарубежных обсерваторий?

— Астрономия — наука международная. Но на БТА должны вестись лишь те исследования, для которых нужен столь большой инструмент. Не менее половины времени мы отдаем для работы наших гостей из Союза и, предполагаем, из-за рубежа. У нас уже есть заявки из многих стран на использование телескопа. Признаюсь, когда я бывал в США, мне было очень приятно, что американские астрономы — а обсерватории этой страны обладают богатым набором инструментов для наблюдений неба — спрашивали, когда они смогут поработать также и на нашем большом рефлекторе. Это понятно, он открывает для ученых огромные перспективы.

Я обращаю внимание на то, что американские астрофизики заинтересовались нашим БТА, не случайно. Дело в том, что из войны мы вышли, так сказать, «без астрономии»: фашисты варварски разрушили наши крупнейшие обсерватории — Пулковскую под Ленинградом и ее филиал в Крыму. А как обстояли дела в этом отношении у американцев? Они уже тогда имели отличный набор телескопов-рефлекторов, вплоть до самого большого, с пятиметровым зеркалом, который был тогда уже в основном построен и вступил в строй вскоре после войны.

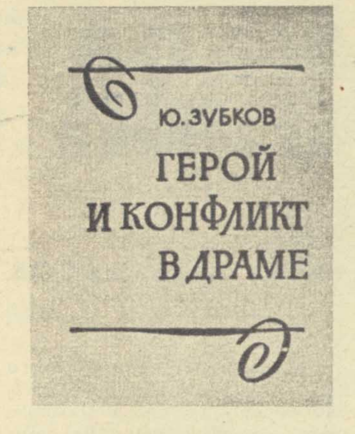
В 1945 году мы начали, как говорится, с нуля, но уже в 1960 году в Крымской обсерватории вошел в строй большой, 2,6-метровый рефлектор, а в 1975 году почти одновременно с большими телескопами в Бюракане (в Армении) и в Тыравере (в Эстонии) сдан в эксплуатацию и наш БТА, самый крупный в мире. Это, если хотите, завершение целого этапа в техническом перевооружении нашей астрономии.

Как это стало возможным? Леонид Ильич Брежнев, выступая на XXV съезде КПСС, еще раз подчеркнул значение фундаментальных наук, к которым относится также и астрономия. А слова наших руководителей никогда не расходятся с делом: благодаря заботам партии были выделены десятки миллионов рублей на создание БТА, мобилизованы для этого дела коллективы многих заводов и институтов. Здесь дали свои плоды наш научно-технический потенциал и политика партии, наша социалистическая система целевого, государственного планирования развития науки.

●

Оптик-механик ЛОМО Реджинальд Михайлович Самушонок и заведующий лабораторией астросветоприемников обсерватории Валерий Степанович Рылов устанавливают светосильный спектрограф.

О ПРАВДЕ ИСКУССТВА

В своей новой книге «Герой и конфликт в драме» Юрий Зубков пишет: «Читатель и зритель могут соглашаться с автором, разделять его любовь и его ненависть, спорить с ним,— важно, чтобы всегда было ясно, с чем соглашаться и с чем спорить».

Нередки случаи, когда тот или иной спектакль вызывает по горячим следам такие бурные дискуссии, что, кажется, будто критикам только шпаг не хватает. И все же в пылу полемики не всегда можно определить, кто же в действительности прав. В этом случае задача теоретиков и критиков — найти истину. Такую плодотворную попытку предпринял Ю. Зубков. Значительное место в его книге отводится нравственным проблемам, отраженным в современной драматургии. Первый раздел так и называется — «Черты новой нравственности». Автор анализирует поиски драматургов, создающих своеобразную модель жизни общества на примере одной его ячейки — семьи. Нет ничего случайного в том, что семья оказывается в центре многих пьес. Именно в ней, утверждает критик, присутствует «весь огромный советский мир с его глобальными заботами и интересами»— активным отношением героев к жизни, борьбой с равнодушием, ответственностью человека за свои поступки.

Рассматривая традиции советской так называемой «семейной пьесы», критик ищет в них выражение не только интимных чувств, а и те нравственные критерии, которые утверждают гражданскую ответственность человека перед обществом, как это со всей силой проявилось в свое время в пьесах «Дни Турбиных» М. Булгакова, «Разлом» Б. Лавренева, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Нашествие» Л. Леонова, а в последние годы — «Большая мама» Г. Мдивани, «Ленинградский проспект» И. Штока и других. Ю. Зубков бескомпромиссен в отношении общественной индифферентности в таких пьесах, как «Транзит» Л. Зорина, «Орфей» Л. Жуховицкого. В них он видит «кривизну в отражении нашей современной действительности», порожденную причинами, о которых однажды точно сказал Леонид Леонов, назвав их живучими «бактериями старых чувств, древних людских страстей», подменяющих живое восприятие жизни с ее светом, радостями, перспективой. Видимо, дело в неумении некоторых драматургов строить конфликт так, чтобы «соотносить личные судьбы героев, частные коллизии с большой правдой времени», в стремлении замкнуть «героев в узком кругу мелких душевных неурядиц, в частном быте» или сосредоточить внимание на одних только теневых сторонах.

Конечно же, жизнь современного человека не может ограничиться лишь сферой семейных отношений. Автор прав, когда серьезный недостаток многих «ходовых» пьес усматривает в разобщенности личного с общественным.

Казалось бы, в советской драматургии утвердились прочные традиции воплощения военно-патриотической темы, начиная с «Бойцов» Б. Ромашова, «Парня из нашего города» К. Симонова и многих других замечательных «военных» пьес. Однако порой все еще приходится встречаться с обедненным представлением о войне, в некоторых пьесах выдвигаются, отмечает Ю. Зубков, на первый план конфликты, выражающие гипертрофированные страдания отдельно взятой личности, внутренне изолированной от общества. Подобный подход, как верно высказывался Мустай Карим, ведет «к измельчанию героя современной драмы», снижает нравственные проблемы, связанные с темой войны.

Ю. Зубков, анализируя ряд пьес, указывает на их просчеты, на уязвимость идейно-художественного замысла, образов, ситуаций. «Об этом надо говорить честно и откровенно»,— пишет он, ибо для писателя, драматурга «важно не только наличие таланта, но и то направление, в каком этот талант развивается, важны те задачи и цели, которые он перед собой ставит». Критерием художественной полноценности драматических произведений является для критика верность жизненной правде, коммунистической нравственности, требование «соотнесения произведения искусства с действительностью». Полемическая заостренность и аргументированность доводов, обилие привлекаемого материала и глубина анализа делают труд Ю. Зубкова заметным явлением в области современной театральной критики.

Дм. БРУДНЫЙ

Ю. Зубков. Герой и конфликт в драме. М., «Советский писатель», 1975, 280 стр.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ОГОНЬКА»

«ЗАПЛАНИРОВАННАЯ КЛЯКСА»

Небольшие заметки «Запланированная клякса» («Огонек» № 52, 1974 г., и № 36, 1975 г.) вызвали много откликов. «Чернила для авторучки то же, что бензин для автомобильного мотора»,— подчеркивали читатели.

На публикацию пришел деловой ответ из объединения «Союзбытхим»: «Предприятия Министерства химической промышленности перешли на выпуск чернил улучшенного качества «радуга-2».

Необходимо отметить, что по качеству эта новинка вполне соперничает с чернилами, выпускаемыми известными зарубежными фирмами.

«Министерствам местной промышленности республик, говорится далее в письме «Союзбытхима», предприятия которых осуществляют выпуск 25 процентов чернил (от общего выпуска в стране), передана техническая документация и рецептуры для организации выпуска чернил «радуга-2».

Но вот беда — переход на производство новых чернил на предприятиях местной промышленности идет медленно. И стоит кое-где на прилавках непригодная «радуга»...

Флаконы новых чернил «радуга-2».

Кстати, о названии. Оставив его прежним (только с индексом «2»), химики поступили, конечно же, неправильно. Репутация у «радуги» плохая. И тот факт, что новая продукция имеет прежнее название, может лишь бросить тень недоверия и на «радугу-2».

ЛОЗА ЦИМЛЯНСКАЯ

Михаил АНДРИАСОВ

Далеко за пределами тихого Дона, во многих странах известна добрая слава цимлянских игристых вин. Донским лозам ныне без малого триста лет. Склоны степной реки, открытые южному солнцу и волжским ветрам, оказались удивительно щедрыми виноградниками. Еще Пушкин посвятил искрометному донскому вину строки в «Евгении Онегине»:

...Да вот в бутылке
засмоленой,
Между жарким и
блан-манже,
Цимлянское несут уже...

Ни одна другая виноградная плантация на нашей планете не имеет неповторимого тонуса «Цимлянского игристого». Его дает только донская, еще точнее, только цимлянская земля, а производят вино в городе Цимлянске, в промышленно-аграрном комплексе, который составляют Цимлянский винсовхоз и Цимлянский винзавод.

Я беседовал с директором Цимлянского комплекса, опытным специалистом виноделия Г. К. Калустовым.

— Скажите, пожалуйста, Георгий Корнеевич, как виноделы комплекса начали десятую пятилетку?

— Главное в нашей работе — борьба за качество. Цимлянцы уже выпускают два вида продукции с государственным Знаком качества. Цимлянским винам присуждено двадцать семь медалей, из них девять золотых. К нам приходит много писем с самыми добрыми отзывами. Но это не основание для самоуспокоения. Все выпускаемые нами вина должны быть только отличными! Вот наша главная задача.

— Как выполнены предсъездовские обязательства?

— Мы вырастили отличный урожай в 1975 году и на сто пятьдесят процентов выполнили годовой план сбора винограда. Средняя урожайность составила сорок один центнер гроздьев с гектара. За годы девятой пятилетки завод выпустил восемнадцать миллионов бутылок игристых вин.

В совхозе и на заводе — сотни ударников коммунистического труда. Среди них машинисты А. Сорокина, Т. Христофорова, Р. Ташлыкова, укладчицы В. Куприянова, П. Климаева, оператор Н. Пчелова и другие.

— В последние годы, как известно, значительно расширились внешнеэкономические и торговые связи нашей страны с капиталистическими государствами. Покупают ли они ваши вина?

— Да, наши вина пользуются там большим успехом. Особенно «Цимлянское игристое». Его покупают фирмы ФРГ, Финляндии, Дании, Голландии, Австрии.

Один из высших сортов нашей продукции, «Цимлянское игристое полусладкое», на бутылках которого написано: «Приготовлено старым казачьим способом», — часто называют новинкой. Однако опытные шампанисты знают, что это утверждение правильно лишь наполовину: именно такое «Цимлянское», то самое, о котором писал Пушкин, «придумано» цимлянскими казаками и изготовлялось еще в минувшие века. В последние годы этот старинный способ изготовления «Цимлянского игристого» возрожден в заводских условиях. Но в принципе сохранен старый, традиционный метод бутылочной шампанизации в отличие от современного, резервуарного.

Тут самый раз сказать о том, чего читатели не услышат из уст нашего собеседника. Калустов долгие годы был главным инженером Цимлянского завода. Он, как специалист, и сыграл решающую роль в успешном возрождении старого способа изготовления цимлянского вина. В этой работе активно участвовали и такие опытные виноделы, как Александр Макарович Бабенко, Николай Минович Макагон. Большую помощь заводу оказывал и оказывает главный консультант объединения «Донвино», заслуженный агроном РСФСР, кавалер трех орденов Ленина Николай Константинович Соболев.

— Расскажите, пожалуйста, Георгий Корнеевич, о перспективах развития совхоза и завода.

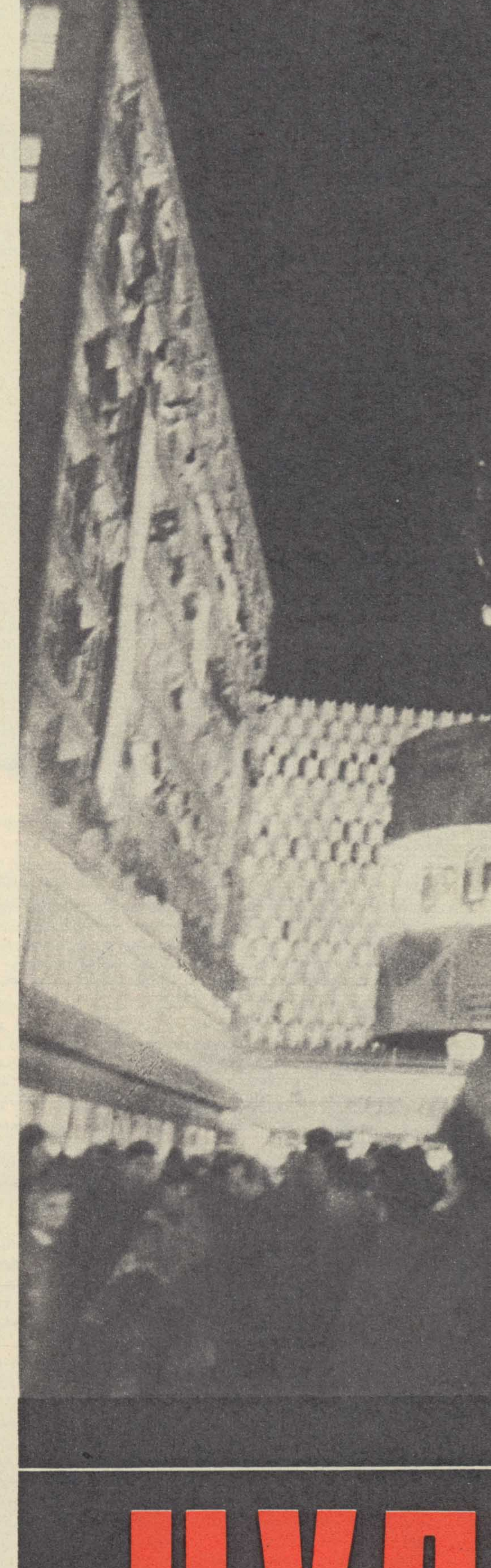
— В десятой пятилетке мы должны основательно расширить площади, находящиеся под виноградниками. За счет внедрения новой технологии и совершенствования оборудования значительно увеличится производство вин. В нынешнем году намечаем выпустить четыре миллиона пятьсот тысяч бутылок цимлянских вин, а в 1980-м — семь миллионов. А скоро будет установлена автоматическая линия розлива и отделки резервуарного шампанского, мощностью шесть тысяч бутылок в час. Это в два раза превысит нынешнюю мощность цеха розлива и отделки.

гор. Цимлянск,
Ростовской области.

Передовики производства Цимлянского промышленно-аграрного комплекса Г. Зорина, Л. Костенко, Л. Ушакова, А. Радькович, Т. Землякова и Л. Гончарова. В центре: главный консультант объединения «Донвино» Н. Соболев и директор Цимлянского винзавода Г. Калустов.

Фото Н. Козловского.

ЧУД

18 мая в Берлине откроется IX съезд Социалистической единой партии Германии. Мы попросили немецкого публициста поделиться своими мыслями накануне этого важного события.

Александерплац, главная площадь столицы ГДР.

ЕСА БЕЗ ЧУДЕС

Юрген ЕССЕЛЬ
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Недавно я познакомился с секретарем парткома крупной птицефабрики недалеко от Берлина. Ему под пятьдесят, сын сельскохозяйственного рабочего, квалифицированный токарь. Помнит, как мальчишкой, едва научившись писать, он забирался на плечи отца и выводил на стенах белой краской буквы «КПГ» — Коммунистическая партия Германии. Этот человек показы-

вал мне бесконечные цехи с десятками тысяч несушек. Мой собеседник улыбнулся. В его глазах светилась гордость. Он сказал: «Конечно, цыпленок на столе — хорошая вещь. Но если бы меня спросили, что самое замечательное в моей работе, я бы ответил: видеть, как растут люди».

В горах Тюрингии я встретил партийного секретаря, который с крупного, оснащенного современной техникой фарфорового завода перешел на маленькую отстающую фабрику, еще недавно находившуюся в частном владении. Я спросил, с легким ли сердцем решился он перебраться в этот глухой уголок возле самой границы с ФРГ. Этот человек ответил мне: «Почему я должен был бояться! Как обжигают фарфор, я знал, когда еще Гитлер сидел в своем бункере. Говорить с людьми я научился с тех пор, как стал коммунистом. Прежде всего надо уметь уважать человека. Прислушиваться к каждому слову, принимать чужие заботы близко к сердцу. И тогда люди способны творить чудеса».

Чудес, как известно, на свете не так уж много. Несколько лет назад в ФРГ поднялась шумиха вокруг так называемого «экономического чуда». Но она быстро затихла: «чудо» обернулось другой стороной — инфляция, безработица.

Несколько лет мне не приходилось бывать на юге ГДР. И вот сейчас, накануне IX съезда СЕПГ, я объездил Саксонию и Тюрингию вдоль и поперек. Многие места я просто не узнал: новые дома, фабрики, автострады. Прибавьте сюда то, что не заметишь с первого взгляда: повышение пенсий, снижение квартирной платы, увеличенный отпуск по беременности, кредиты для молодых супругов. Это ощутимый итог последних лет. Первый секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер сказал, что мы можем ставить перед собой новые, более сложные задачи, потому что располагаем прочными исходными позициями.

Разумеется, все эти блага не свалились с неба. Ни в Центральном Комитете нашей партии, ни в Совете Министров республики нет отдела чудес. Мы можем расходовать столько, сколько заработали. Это давняя, простая истина. Правда, кто помнит первые годы, знает: не все эту истину тогда принимали... Споры о том, что сначала — лучше есть или лучше работать,— какое-то время мешали нам, но теперь это позади. Жизнь подтвердила правоту партии, которая и тогда считала, что завтра мы будем жить так, как работаем сегодня.

Нельзя забывать прошлого. В прошлом был Гитлер, до этого жалкая Веймарская республика, родившаяся в результате незаконченной революции 1918 года, еще глубже в историю — империя кайзера. Уже более четверти века существует ГДР — первое социалистическое государство на немецкой земле. Современные жилые кварталы, школы, электростанции, больницы — все это достижения социализма. Но я согласен с партийным секретарем птицефабрики: главное наше достижение — новый человек.

И сами партийные секретари тоже выросли. В пятидесятых годах многих из них называли партизанами. Такие люди работали, как говорится, на чистом энтузиазме. У большинства не было ни специального образования, ни экономических знаний. Но это не дает нам права смотреть свысока на партийных активистов тех лет. Без вчера не было бы сегодня.

Мы живем в век научно-технического прогресса. И если вы придете в наши дни, скажем, в партбюро химического комбината «Бунаверке», вы встретите там волевого, уверенного в себе человека, бывшего деревенского шорника, а сейчас дипломированного инженера. Он решает проблемы — политические, экономические, финансовые, а не проблемы довлеют над ним.

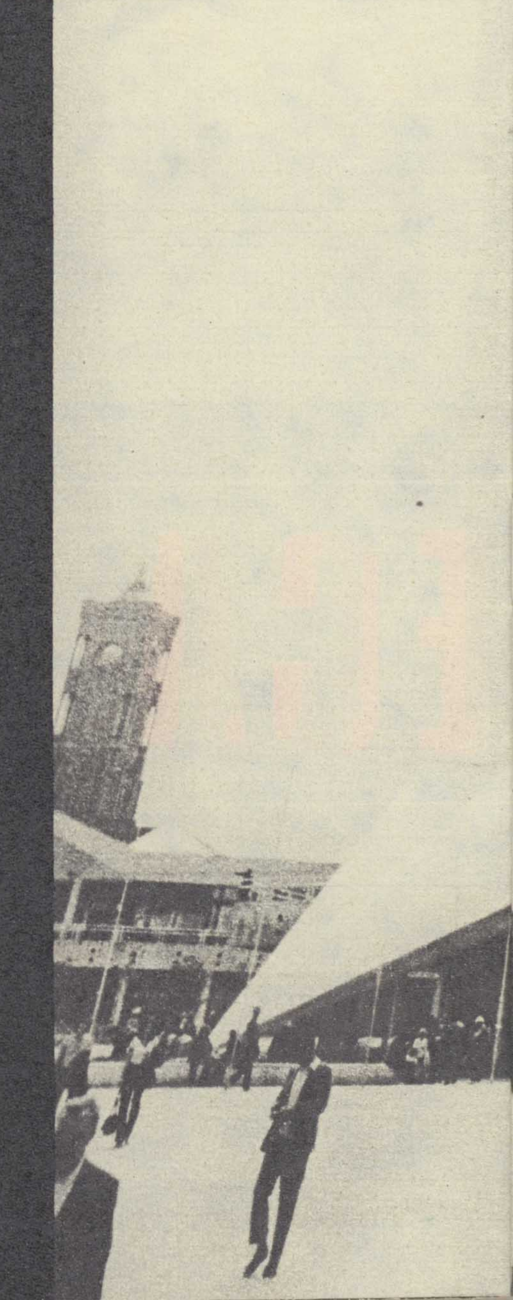
На ткацкой фабрике, где я побывал, работают в основном женщины. Если бы я встретил на улице молодую, изящную женщину, никогда бы не подумал, что передо мной глава партийной организации крупного производства, человек, пользующийся большим авторитетом. Я спросил бывшую прядильщицу, как она этого добилась. И вот что услышал в ответ: «Очень просто. Говорю то, что думаю. Не люблю общих слов. Надо иметь мужество сказать иногда «нет», если требует дело. Нужно только объяснить работницам, почему я так сказала».

В этом чувстве уверенности, в сознании своей ответственности отражаются, на мой взгляд, главные перемены, какие вы встретите повсюду в республике. Конечно, они произошли не вдруг. Но решающий шаг, мне кажется, был сделан именно в этот сравнительно короткий срок — между VIII и IX съездами СЕПГ, когда наше государство добилось и широкого международного признания.

В начале этого года партия выдвинула на обсуждение проект новой программы, в которой говорится о создании основных предпосылок для постепенного перехода к коммунизму. В этом документе подчеркивается, что нерушимая дружба и сотрудничество с КПСС были, есть и будут источником силы и основой для развития социалистической ГДР.

Каждый, кто побывает сейчас в нашей стране, сможет убедиться в переменах, о которых я говорил. Но если вы хотите увидеть главное «чудо», то мой вам совет: просто поговорите с людьми, гражданами Германской Демократической Республики.

Берлин.

Несколько страниц из жизни «Алекса», как называют эту площадь берлинцы. Здесь многолюдно и в праздники и в будни.

Анатолий ИВАНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ВЕЧНЫЙ

Поликарп Матвеевич Кружилин наскоро закрыл заседание бюро райкома, отпустил всех, кроме парторга ЦК ВКП(б) на заводе Савчука и председателя райисполкома Хохлова, встал из-за своего стола, шагнул к дивану, на котором вот уже минут пять лежал недвижимо Федор Федорович Нечаев. На ходу он взял ближайший стул, поставил возле дивана, сел. Глаза директора завода были прикрыты, веки чуть подрагивали, большой лоб покрыт крупными каплями пота.

— Извините, Поликарп Матвеевич,— слабым голосом произнес Нечаев, не открывая глаз.— Вы извините меня.

— Сейчас придет врач, Федор Федорович.

— Это вы напрасно... Не надо врача. Я себя знаю, ничего страшного.

После аварии на заводе Нечаев чуть ли не полгода лежал в больнице, сперва в Шантаре, потом в Новосибирске, никто уже не надеялся, что он выкарабкается из могилы. Но он сумел встать на ноги, был назначен вместо погибшего Антона Савельева директором завода. Внешне он выглядел более или менее сносно, и первое время никто не догадывался, что его частенько скручивают и валят с ног приступы удушья и что его секретарша Вера Инютина, где-то в середине еще прошлого года уволившаяся из райкома и поступившая на завод, иногда по целым часам отваживалась с ним в кабинете. Она поила его какой-то микстурой, всегда стоявшей в ящике стола, клала холод на голову, иногда по его просьбе массировала худую, жиденькую грудь со страшными шрамами от ожогов. Нечаев строго-настрого запретил ей сообщить кому бы то ни было, даже собственной жене, о его болезни.

Но в марте нынешнего года Нечаев, никому ничего не объясняя, освободился от своей слишком уж заботливой секретарши, перевел ее в систему заводского орса, а на место Веры взял Наташу Миронову. Новая секретарша при первом же головокружении у Нечаева подняла на ноги весь райком партии, партком завода и весь заводской медпункт.

— Не смей! — приподнялся он было с дивана, когда Наташа у него в кабинете кинулась к телефону.— Холодное полотенце лучше на голову дай... Обратно в столовую прогоню!

— Это дело ваше! — резко проговорила Наташа.— Я не сама к вам в секретари напросилась...

Нечаев тогда потерял сознание, а когда очнулся — в кабинете находились Кружилин, Савчук, несколько врачей.

Это был первый случай, когда он потерял сознание. А затем приступы следовали один за другим, иногда его схватывало прямо где-нибудь в цехе, прибегали из заводского медпункта врач с санитарами, уносили оттуда на носилках замертво.

— Надо капитально подлечиться, Федор Федорович,— заявил в конце концов Кружилин, видя, что дело может кончиться плохо.

— Да? А завод?

— Что ж завод... Дело идет о вашей жизни или смерти.

— Нет, я здоров. Это так...

Кружилин посоветовался по телефону с Субботиным, тот немедленно среагировал на тревожные слова секретаря райкома, прислал из Новосибирска известного на всю страну старичка профессора, светило медицинской науки, в клинике которого Нечаев лежал после пожара.

— Денег девать некуда вам с Субботиным, так хоть на путешествие этого профессора истратить,— дернул только Нечаев своей куцей бородкой.— Он и без того знает, что я здоров.

Приезжий профессор несколько дней возился с Нечаевым, на прощание выпил у него дома несколько чашек чая и вместе с ним же пришел в райком партии.

— Федор Федорович абсолютно здоров,— огорошил он Кружилина.

— Вот,— торжествующе сказал Нечаев.

— Но процентов, знаете... ну тридцать не тридцать, а процентов двадцать кожи и мяса на костях у него сгорело. И сейчас организм просто не справляется, знаете ли... чихает, как мотор, когда кончается бензин.

— Вот,— опять произнес Нечаев, но теперь уныло, с обреченной усмешкой.

— Что вот?— сердито вскрикнул старичок профессор.— Удивительно не то, что сейчас не справляется... Удивительно, как вы, любезнейший Федор Федорович, вообще обманули смерть.

— С вашей помощью, дорогой профессор,— буркнул Нечаев.

— С моей? Нет-с и нет-с. И сейчас я, собственно, еще раз приехал на вас взглянуть из любопытства. Я не знаю, не могу понять, почему, откуда и какие у вас жизненные силы. А уж поверьте, в медицине, в человеческом организме я немного разбираюсь.

— Что же вы посоветуете, профессор? — спросил Кружилин.

Старичок — худенький, седенький — снял очки, подслеповато сощурился, глядя поочередно то на Кружилина, то на Нечаева, протер носовым платком глаза и снова надел.

— Видите ли, молодые люди... Я советую ему работать, как работал. Федора Федоровича я предупредил: конец может наступить в любой день, в любую минуту... Но если оставить привычный ритм жизни, все эти заботы, кто знает, не наступит ли он еще раньше?! Да, кто знает... Жизнь суть движение, постоянная работа мышц, мозга, определенное состояние психики. Если еще популярнее вам сказать: всякий механизм в бездействии быстро ржавеет... Пейте, Федор Федорович, мою микстуру, я туда ввел некоторые новые компоненты...

Но микстура старичка профессора помогала все меньше. Нечаев сваливался с ног все чаще, синел, хрипел и надолго терял сознание. Придет ли он в себя после очередного приступа, никто сказать не мог. Никто, естественно, не мог знать, какой приступ будет последним, но все видели и понимали, что Федор Федорович Нечаев умирает.

Сегодня приступ случился во время его выступления на бюро райкома партии. Обсуждался — в который уже раз! — вопрос о жилье для рабочих завода. Два года идет война, и два года этот проклятый вопрос не сходит с повестки дня. Вокруг завода, там, где раньше была степь и гулял на свободе ветер, вырос целый бревенчатый город, на главной улице возвышалось десятка полтора небольших, правда, двухэтажных кирпичных зданий. Но около тысячи человек все еще жили в землянках. Правда, это были не те люди, что прибыли в Шантару осенью 1941 года. Завод расширялся, постоянно осваивал новые виды оборонной продукции. Сначала выпускал одни артиллерийские снаряды малых калибров, но постепенно переходил на более крупные. Завод находился по-прежнему в ведении Народного комиссариата боеприпасов, но год назад, где-то вскоре после пожара, появилась в Шантаре группа работников Народного комиссариата минометного вооружения с соответствующими полномочиями и распоряжениями Москвы организовать на заводе производство минометов и мин. Кружилин, привыкший уже к невозможному, нисколько не удивился, только поинтересовался, будут ли еще прибывать рабочие.

— А как же... — ответили ему. — И специалисты, и рабочие, и кой-какое оборудование. Как с жильем?

— Нормально, — сказал Кружилин ровно и спокойно, ибо что-то другое говорить было бесполезно, возражать, жечь нервы бессмысленно, как бессмысленно осенью протестовать против наступления зимы. Зима все равно наступит, небо не закроешь, и в положенный срок сверху повалит снег. В определенное время приедут и новые сотни, а то и тысячи рабочих, и надо их как-то принимать, устраивать. И они приезжали, их принимали, устраивали, завод давно выпускает и минометы и мины к ним. Как все это получалось, Кружилин Поликарп Матвеевич не знал, не понимал. И очень даже удивился, когда нынешней весной «за успешное выполнение специального задания правительства по разработке и изготовлению новых образцов боеприпасов» был в числе других награжден орденом Ленина. Так было сказано в Указе, значит, как-то это получалось, выходит...

Нечаев дышал тяжело, жиденькие волосы на голове тоже взмокли, висели сосульками. Савчук, пристроившись у изголовья, беспрерывно и молча вытирал большой, выпуклый лоб Нечаева носовым платком.

— Спасибо, Игнат Трофимович... Спасибо, — говорил директор завода Савчуку, человеку немногословному и, в общем, суровому, но сейчас в его темных глазах была боль и нежность. Кружилин глянул на парторга и тотчас отвернулся, подумав, что если в глазах Савчука проступит влага, то это вроде будет удивительно, а ведь, собственно, удивляться нечему, — как бы у него самого не блеснули слезы. Черт, подумал еще Кружилин, как мы мало знаем друг о друге, что вот он, Кружилин, знает о Сав-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18, 19.

чуке? И как мало в этой беспросветной жизни проявляем заботы друг о друге, как мало оказываем друг другу простого человеческого тепла. Только недавно он, Кружилин, узнал, что сам-то Савчук Игнат Трофимович с женой и двумя детьми-школьниками до сих пор живет в землянке.

— Ка-ак? — удивился Кружилин, в самом деле искренне не понимая, как же так получилось, ведь ему, помнится, выделялась где-то даже двухкомнатная квартира.

— А что? — Савчук спокойно поглядел на секретаря райкома.

— Тебе же выделяли жилье!

— Я отдал квартиру одному старичку, мастеру механического цеха. Это гениальный старик... У него дочка туберкулезная.

— Это... это непорядок! — вымолвил Кружилин зло, с раздражением. — Нашелся филантроп. Старичка бы тоже не обидели.

— Какой там непорядок, — так же просто и мягко произнес Савчук. — Сейчас непорядок, может, и есть самый высший порядок... Из землянок я уйду последним.

— Это уже, извини, глупо.

— Может быть, — холодно сказал Савчук и отвернулся, давая понять, что разговор никчемный и продолжать он его не намерен.

Кружилин где-то в душе долго был обижен, что Савчук тогда, осенью сорок первого, жестоко отхлестал его на первом суматошном, непродуманном совещании в райкоме партии о сроках пуска завода. Он пригласил людей посоветоваться, что же делать, отправлять ли в обком партии нереальный, как он считал, график восстановления только что прибывшего завода, а Савчук высмеял при всех его беспомощность и потребовал объяснить, когда будут стройматериалы, жилье, когда дети рабочих завода пойдут в школы. Не скоро понял Поликарп Матвеевич жесткую правоту этого человека, правоту, вызванную обстоятельствами. И когда ЦК утвердило его парторгом завода, воспринял это без энтузиазма, скорее из чувства дисциплинированности. Потом увидел и понял, что малоразговорчивый, внешне неторопливый этот человек обладает ясным умом, непреклонной волей, он всегда знает, чего хочет. Не одобрял он только этой его сверхскромности. Но тот короткий разговор о квартире как-то вдруг приоткрыл душу Савчука больше, чем все эти долгие и кошмарные месяцы. А теперь вот выражение глаз, носовой платок в жилистой, худой руке, которым он молча и беспрестанно вытирает пот со лба и щек Нечаева, сказали до конца о том, что этот украинец из той же породы, что и покойный Антон Силантьевич Савельев, что и Нечаев и Хохлов... Только у каждого из них своя суть и свой характер.

— Я вот что думаю, — с трудом заговорил Нечаев с дивана. — Я это и хотел сейчас на бюро сказать... Что там наши рабочие в тайге делают? Грибы, что ли, собирают? По ягоды ходят? Пора наконец кончать с землянками. Лесу-то нам требуется всего ничего, кубометров с тысячу. Ну, может, чуть больше... Надо к концу июля лес заготовить, как хотите... И сплавить сюда. Ведь подумать только, как нам повезло, — река! Несколько дней — и древесина здесь. Распиленная. Пилить, пилить прямо на месте. Поезжай туда сам, Игнат Трофимович. Я понимаю, ты только что вернулся из Москвы, у тебя на заводе дел накопилось. Но это для нас сейчас самое главное. Мы тут без тебя ничего... Я оклемаюсь, вот... Поезжай. Возьми пильщиков сколько надо. Слесарей бери, токарей снимай со станков. Бери кого хочешь, я разрешаю. К зиме ни одного человека чтоб в землянке не было. Тебя последнего я лично приеду выселять. Надо бараки из плах строить, засыпные... Мы сде-

ЗОВ

лали ошибку, построив много бараков из бревен. Расточительство в наших условиях. Поезжай...

— Хорошо, Федор Федорович, — негромко сказал Савчук.

— Ну вот, — облегченно вымолвил Нечаев.— Ты все это сможешь... И вообще что бы завод, что бы я делал без тебя?

— Ну уж...

— Нет, я знаю.

Длинная речь заметно утомила Нечаева, с каждым словом пот выступал все обильнее, под конец грудь директора затряслась, он кашлянул и захрипел. Потом голова его свалилась легонько набок. Хохлов, молча стоявший у окна, сделал несколько шагов к дивану и испуганно замер, Кружилин стремительно поднялся. Только Савчук не шевельнулся, все продолжал мокрым уже платком вытирать с лица Нечаева испарину. Потом взял руку, пощупал пульс.

— Потерял сознание! Где же врач?

И в это время внизу, на первом этаже хлопнула входная дверь, затопало по лестнице множество ног. Первой в кабинет вбежала жена Нечаева, еще не старая красивая женщина с измученными глазами, простоволосая и растрепанная. «Федя! Федя!» — вскрикнула она, рванула ворот его рубашки и, плача, принялась растирать ему грудь. За ней мелькнула Наташа Миронова, опустилась перед диваном на колени, всхлипнула.

— Ты что?! — зло крикнула на нее жена Нечаева сквозь слезы. — Перестань скулить! Намочи полотенце... Есть тут какая-нибудь тряпка?

Наташа вскочила и побежала из кабинета, на ходу сдергивая косынку. У дверей она чуть не столкнулась с врачом заводского медпункта. Врач, женщина лет сорока, чем-то похожая на жену Нечаева, на ходу раскрыла медицинский свой баульчик, опустилась, как Наташа до этого, на колени перед диваном. В руках у нее был уже шприц, она сделала укол в худую руку Нечаева... А в кабинете уже гремели, раскладывая носилки, двое санитаров.

Через несколько минут директора завода, так и не пришедшего в сознание, унесли. До дверей с одной стороны носилок шла, вытирая мокрые щеки, его жена, с другой — врач в белом халате, а сзади всех Наташа. Потом сзади оказалась жена Нечаева, она, прежде чем скрыться за дверью, обернулась, вздохнула:

— Боже мой, боже мой... А вам спасибо.

Неизвестно, за что она поблагодарила их, троих крепких и здоровых мужиков, и от этой благодарности всем стало неловко, все почувствовали какую-то великую обязанность перед Нечаевым, его женой, перед этим ярким солнечным июньским днем, полыхающим за окном...

Потому, может быть, в кабинете стояла некоторое время неловкая тишина, а Сталин в полувоенной, полугражданской своей форме строго глядел с портрета над столом, и его сухой и усталый взгляд стерег эту тишину.

— Ах, как несправедливо, несправедливо это, — хрипло выдавил наконец Хохлов.

Ему никто не ответил. В кабинете стоял резкий запах лекарства, Кружилин почувствовал его только что, после этих слов председателя райисполкома.

— Да, дело плохо, — кивнул Кружилин, прошел к столу, но не сел на свое место, остановился. — Дело все хуже. Я вас, собственно, оставил, чтобы посоветоваться. Завод не может сейчас и неделю жить без руководителя... Надеюсь, вы меня правильно понимаете? Мы должны быть готовы...

Кружилин говорил трудно, сбивчиво, не глядя на Хохлова и Савчука. Но чувствовал, как парторг сурово поджал сухие губы, а Хохлов неловко глядел в окно.

— Я лично давно готов, — проговорил Савчук негромко и невесело. — И если что — я рекомендовал бы на должность директора завода Ивана Ивановича... вот его.

Хохлов, примостившийся было на подоконнике, сполз с него, заморгал быстро глазами.

— Что-с?

— А что же... — раздумчиво произнес Кружилин.

— В Новосибирске и в наркомате, я думаю, с нашей рекомендацией согласятся.

— Нет, позвольте, позвольте! — Иван Иванович торопливо подбежал к столу, не соображая, видимо, что делает, взял стопку папок и бумаг, лежавших с краю, приподнял их, будто хотел этими бумагами сердито хлопнуть по зеленому сукну, но передумал в последнюю секунду и осторожно положил на место. — Я вот все удивляюсь недоразумению, в результате которого я хожу в председателях исполкома... Не делайте еще одной нелепости.

— А я так рад, что это недоразумение произошло, — чуть улыбнулся Кружилин.

— Да?! — И Хохлов опять заморгал часто и покраснел. — Вы все подшучиваете надо мной? Рядовым инженером — пожалуйста. Я сам просился.

— Рядовым я тебя не отпущу, — сказал Кружилин.— Ладно, кончим пока об этом.

— Поразительно, — пробормотал Иван Иванович. — Очень, знаете, поразительно. Вы серьезные люди?

На это Хохлову никто ничего не ответил. Савчук и Кружилин, за два военных года как-то осевший, заметно ссутулившийся, думали каждый о своем.

— Ну что ж, Поликарп Матвеевич... — вздохнул наконец Савчук.— Пожалуй, дня через два я выеду в тайгу.

Кружилин кивнул, соглашаясь. Савчук, хмурый, пошел было к двери, но вдруг остановился, улыбнулся чему-то широко и светло, так светло, что Кружилин спросил нетороплива и ожидающе:

— Ну?

— Это удивительно... А я забыл сказать... Вы знаете, кого я встретил в Москве, в наркомате? Ни за что не угадаете.

— Почему же, — буркнул Хохлов. — Нашего милиционера Елизарова в роли наркома.

— Отца нашей Наташи.

— Кого-кого? — Кружилин высоко вскинул брови.

— Генерала Миронова. Отца Наташи, — повторил Савчук. — Он там работает заместителем начальника главка.

— Вот как! Наташе сообщил?

— Да ведь телефон, телеграф есть. Наверное, они давно друг друга телеграммами засыпали...

* * *

Савчук хотел поехать в тайгу сразу же по возвращении из Москвы, но дел на заводе за его отсутствие накопилось действительно много, и пока он их решал, прошла неделя.

В тайгу с собой он взял человек пятьдесят крепких мужиков, поехали на трех грузовиках, потом, отправив грузовики назад, потому что дальше проезжей дороги не было, около суток тащились на верховых лошадях, шли пешком. Громотуха текла здесь между горных теснин, грозно ревела на многочисленных перекатах, оправдывая свое имя. Когда лесная тропа, означающая дорогу, подворачивала к берегу, грохот звенел такой, что не было слышно голосов.

Стояла июльская жара, безжалостно палило белое солнце, обваривая листву на деревьях. Обычно липкая сосновая хвоя жухла, обильно сыпалась с ветвей. Лишь кедрам такая жарынь была вроде нипочем, косматая хвоя держалась на них крепко, горячий ветер трепал ее, как лошадиные гривы, но оборвать не мог. Кедровые массивы, не очень крупные и не частые, выделялись среди моря поблекшей зелени темными пятнами и одуряюще пахли расплавленной смолой.

— Божье наказанье прямо-таки... Экое пекло! — пробормотал маленький кривоногий старикашка по имени Филат Филатыч, высланный навстречу с лошадьми.— Ну ни одного дождика, почитай, с Арины-рассадницы. Громотуха прям обдонилась... А досок напилили, слава те господи, высокие штабеля! Да еще экие ты молодцов ведешь! И рванем счас, ух... ничего. Успеем до Ильина-то дня. А там вода будет, только рвануть счас надо. Это ты правильно, что подмогу ведешь. И в Шантаре, грят, тоже сушь стоит?

— Да, плохо нынче,— сказал Савчук.— Хлеба горят.

— Ага... Рассказывал этот, что с милиции-то приехал к нам, Елизаров. У нас тут, хе-хе, события одна случилась. Двое парней из-за девки... Сперва понасильничать, что ли, хотели ее. А потом чуть до смерти друг дружку не ухайдакали. Знаешь? Из-за этой, Инюткиной Верки.

— Инютиной,— поправил Савчук.— Знаю. Разберемся.

— Тьфу,— плюнул старик в сторону.— Хучь бы девка была... А то так, Инюткина. Ни ума в глазу, ни добра в заду.

— Насчет добра-то, дед, наоборот вроде,— усмехнулся один из молодых мужчин.

— Это на чей вкус,— отрезал старик.— Такого добра — как песку на берегу, ты зачерпнешь, а мне так и нагнуться лень. А они — спорить из-за нее. Тьфу.

— Отнагибался ты, дед,— усмехнулся тот же мужик.

— Да оно так,— без всякой обиды согласился старик.— Был рысак, да сбил подковы...

Филат Филатыч слыл на всю округу непревзойденным сплавщиком плотов по своенравной Громотухе. В молодости он характер имел лихой и необузданный, как речка. Мог он ни за что ни про что, по известным ему одному причинам обидеть человека, зла ни ему, ни кому бы то другому никогда не делавшего, всячески его славить. Мог завести дружбу и старательно опекать человека, по общему признанию, никчемного. И до сих пор были у него в оценке людей и отношении к жизни какие-то свои мерки и свои принципы, непонятные другим.

Он был уроженец этих мест, всю жизнь прожил в верховьях Громотухи. До революции услугами Филат Филатыча частенько пользовался богатей Кафтанов. Филат Филатыч иногда сплавлял ему огромные плоты в малую, как в нынешнее лето, воду, за сущий бесценок, почти даром, рисковал при этом не раз собственной жизнью. А иногда и в высокую воду, когда сплавить вниз древесину не составляло никакого труда, ломил такую плату, что у Кафтанова от ярости тряслась борода. «Ну как хошь, как хошь, это дело хозяйское...— отвечал на такие вспышки Филат Филатыч со спокойным смешком, который еще больше стервенил Кафтанова.— Ты хозяин, стало быть, башковитый, тебе и видней, што те в выгоду, а што в убыток».

И как-то так получалось, что даже в высокую воду плоты Кафтанова без Филат Филатыча частенько разбивались. И Кафтанов, матерясь, снова шел на поклон к строптивому плотогону.

В гражданскую Филат Филатыч оказывал партизанам Кружилина кой-какую помощь иногда, пару раз, когда полковник Зубов совсем уж настигал измотанных бойцов Поликарпа Матвеевича, уводил их в непроходимые урманы и укрывал в недоступных лесных дебрях. И в то же время этот Филат Филатыч в те грозовые годы держал где-то у себя, укрывая по таким же урманам, малолетнего сына Кафтанова Макарку вместе с приставленной к нему в няньки Лушкой Кашкаровой, а потом, после гибели Зубова, и его сына Петьку.

— Я, Филат Филатыч, точно не знал тогда, что ты прячешь сыновей Кафтанова и Зубова,— сказал старику Кружилин, когда вместе с Савчуком отыскал его прошлогодней весной в тайге, чтобы лично попросить сплавить в Шантару заготовленный лес.— Не знал, но мысль иногда мелькала: не ты ли их прячешь? А может, теперь признаешься? Дело прошлое.

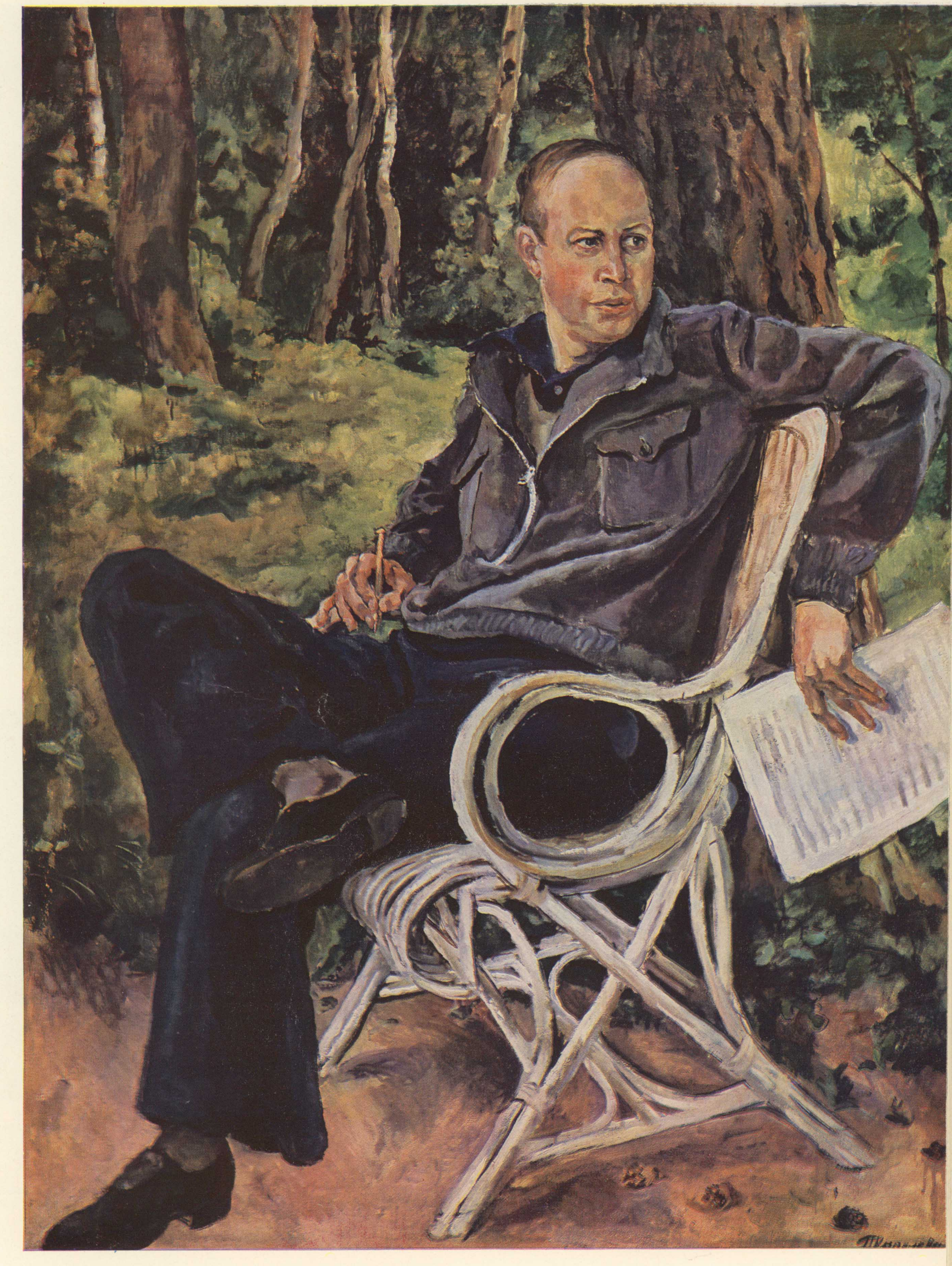
— А выведал бы, так что ж, прикончил дитев бы? — вскинул старик маленькую, но упрямую свою голову с косо сидящей на ней шапчонкой. Умные глаза его, длинные и узкие, как у монгола, поблескивали, точно бритвы.

— Я зверь, что ли, какой?

— А что ж тогда тебе за дело?

— Да любопытно просто.

— Ну что жа... удовлетворю,— усмехнулся старик, снял шапку, по-крестьянски пригладил ладонью все еще густые и почти не поседевшие лохмы волос.— Так было дело.

П. Кончаловский. ПОРТРЕТ С. С. ПРОКОФЬЕВА. 1934.

П. Кончаловский. ПОРТРЕТ В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДА. 1938.

— Ах ты хитрец! — смеясь, воскликнул Кружилин. — Должно быть, высокую плату тебе платил Кафтанов. Ведь рисковал все же. Время-то было горячее — могло и ошпарить...

— Какая там плата, — махнул рукой Филат Филатыч, нахлобучил шапку, но опять криво. — Вся радость-то в деньгах разве?

— Значит, что же ты, из идейных соображений?

— Из человеколюбия, — строго произнес старик. И вдруг хихикнул как-то смущенно. — Я что ж, всегда такой кривоногий, што ли, был да хилый?

— Да я помню, какой ты был.

— Ну, вот... А Лушка-то в те поры, хехе... Вся плата была при ней.

Секунду еще и Кружилин и Савчук молчали, а потом оба разразились хохотом. Смеялись долго, до слез в глазах. Улыбался и сам старик, отворачивая узкие свои глаза.

— И жук же ты, Филат Филатыч, — вытирая глаза платком, проговорил Поликарп Матвеевич.

— Да уж как умели, так и жужжали. Лукерья ничего, довольная была.

Савчук, отмахиваясь от свирепых, чуть, казалось, не со стрекоз, комаров, шагал по стиснутой деревьями лесной тропе, поглядывал на лохматый, как кедровая ветка, затылок Филат Филатыча, на сверкавшие порой то слева, то справа заснеженные громадины гор, думал об этом необыкновенном крае, куда забросила его судьба, о живущих тут удивительных людях. Он родился и вырос в украинских степях, прожил там всю свою жизнь, и ему казалось, что нет ничего прекраснее этих степей и чарующего неба над ними. По ночам звездные волны, казалось ему, схлестывались со звоном, а потом на землю до утра сыпалась бесшумно звездная пыль, и луговые травы по утрам горели не от росы, а от этой пыли. Теперь он как-то обостренно понял, что красота на свете бесконечна и разнообразна, что природа никогда себя не повторяет и вот здесь, в Сибири, тоже натворила дивы дивные...

Филат Филатыч шел с костыльком, посапывая, но легко и скоро, время от времени оборачиваясь, вытирая ладонью потный лоб в мелких морщинках.

— Ниче, мужики, скоро уж, — говорил он весело, поблескивая узкими глазами. — Туточки раз вздохнуть да два шагнуть.

Старик очень был доволен, что в прошлом году к нему в такую глухомань приехал сам секретарь райкома партии.

— Понадобился, стало быть, я? — спросил он сперва вроде недружелюбно и настороженно.

— Так человек, Филат Филатыч, всегда нужен людям, — ответил Кружилин.

— Это так, — мотнул головой Филат Филатыч, настороженность его исчезла, он по-стариковски засуетился вокруг самовара, принес большую чашку застарелого меда, стал угощать. — Давайте. А плотики я вам, как яички, целехонькие доставлю. Это нам дело знакомое.

— Надеемся, Филат Филатыч. Кроме тебя-то, и попросить некого.

— Ну, есть людишки, — не согласился старик с Кружилиным. — Вон Акимка изза белков... Да Акимка, ежлив уж до конца-то, охломон все ж таки да пьяница. Нет, я вам как яички...

И действительно, всю древесину Филат Филатыч доставлял аккуратно, никогда не терял даже бревнышка. Нынче в мае сплавил еще несколько больших плотов, а потом вода резко упала, на перекатах обнажились мокрые лысины камней. Сейчас лысины высохли, даже брызги до них не доставали. И строительство жилья на заводе фактически прекратилось.

— Значит, Филат Филатыч, будет вода, говоришь, после Ильина дня? — спросил Савчук.

— Обязательно. Раз белки вон обещают.

— Как они обещают?

— Глянь, слепой, что ли? Синь между белками синенх. Это уж точно, побежит вода с ледников к Ильину дню.

Савчук, сколько ни вглядывался в вершины заснеженных гор, никакой сини между ними не видел. Небо и небо, белое, как и повсюду. Но спорить со стариком не стал, только произнес машинально:

— Дай-то бог.

— Во-от! Приперло, так и ты, партейный, тоже взмолился.

— Да я так, по привычке.

— А может, зря? Зря, еслив только по привычке?

— Ну, зря не зря, а раз не верю в бога... Ты вроде веришь, а я нет. Ты уж прости, Филат Филатыч.

Старик на это ничего не сказал, отвернулся и долго, часа полтора, шагал молча.

Потом остановились передохнуть и перекусить. Рабочие вскипятили чай в двух больших медных чайниках, вынули хлеб, сахар. Большой ломоть хлеба, кусок сахару и кружку чаю дали и старику. Он все так же молча и сердито выпил чай, съел хлеб и, по-прежнему сдвинув кустистые брови, неодобрительно слушал разговоры и смех молодых парней. И Савчук уже пожалел, что ввязался с этим своенравным и непонятным стариком в ненужный разговор о боге, даже встревожился: черт его знает, этого Филат Филатыча, возьмет да и выкинет какой-нибудь очередной фокус. А где другого такого плотогона найдешь? Кружилин шкуру снимет.

— А вот спрошу тебя, Игнат, — проговорил вдруг неожиданно Филат Филатыч, впервые назвав Савчука по имени. — Вот в народе говорят: нельзя работать в Ильин день... И рассказывают: один мужик в селе нарушил такой запрет, сено у него было скошено. Ну, на Илью, обыкновенно, гром погромыхивает — катается он, значит, на своей колеснице по небу, по тучкам. Мужик-то испугался, давай торопиться сено в зарод сметывать. Успею, грит, до дождя, что ж, что Ильин день, не пропадать сену-то... И сметал. А тут и прилетела невесть откуда ворона с горящей веткой во рту, села на мужиков зарод да подожгла. Да еще на другие зароды стала перелетать. Сядет — и подожжет, сядет — подожжет... Вся деревня на зиму и обескормилась, по миру пошла вся деревня... Вот. А?

— Предрассудки же это, Филат Филатыч, — сказал Савчук. — Сказки, понимаешь.

— Ой ты, — поморщился старик. — Я ж о другом спрашиваю: отчего Илья такой злой-то?

Савчук не мог понять движения мысли старика, не мог уразуметь, чего тот хочет, и только пожал плечами.

— Или вот еще в наших краях рассказывают... ну, пущай сказку, как ты определяешь, — заговорил опять неугомонный и непонятный старик. — Святой Николай-чудотворец ходили по земле с Ильей-пророком. Ну, ходят, глядят... Углядели, что хрестьянин один землю пашет. Подошли да попросили попахать. Пашут по очереди. Потом спрашивают, кто лучше из них двоих пашет-то. Хрестьянин тот показал на Николу. Озлился Илья на пахаря и говорит: ну ладно, инда... За такие несправедливые слова я те хлеб градом выбью. Налив хороший на твоей полосе будет, а я выбью... Тады Никола пожалел хрестьянина да и шепнул ему: а ты обмани этого Илью, поменяйся полосой с богатым мужиком, у которого хлеб худой будет. А мне за совет свечку поставь. Хрестьянин так все и сделал. Пришел к богатому и говорит: давай обменяемся полосами, видишь, какой у меня хлеб тучной. Токмо в придачу маленько деньгами дашь, деньги нужны больно, лошадь купить... Ну, богатей увидел выгоду, обменялись. Стали поспевать хлеба. И тут накатилась туча, да как ударит бывшую хрестьянскую-то полосу, и градом ее всю повыбило. Илья-пророк о той хрестьянской хитрости прознал, рассердился, собирает тучу на его полосу, какая раньше богатому принадлежала. Хлеб на ней все ж таки кой-какой уродился. Тут опять явился к хрестьянину Никола да шепчет: живо разменивайся с богатым, я те, дескать, говорю... Да опять в придачу попроси деньгами, коровку, мол, хочу купить, детишки малые, молочка хотят. Ну, разменялись. Токмо успели, как посыпал град. И повыбило полосу, которая теперь уж к богатею обратно вернулась. А у хрестьянина выбитая раньше градом полоса отошла. И хлеба он много собрал да на придачу два раза от богатея получил... Ну, а Илья, получается, остался ни в тех, ни в сех. И осерчал тогда пророк на чудотворца. Ах ты, грит, шаромыжник такой! Вовсе и не чудотворец ты, а как есть шаромыжник! Обзарился, что хрестьянин свечку тебе с синичью ножку поставил! Да ить богатый мужик пудовую бы не пожалел. Ты ж мой авторитет среди народу подрываешь... Да за бороды друг дружку, да пошли там, за облаком кататься. Пошел гром! И что же ты думаешь? Никола-чудотворец и покаялся: критику, грит, признаю твою, Илья. По легкомыслию я научил хрестьянина, да я выправлюсь, хрестьянин этот у меня запоет... Наутро упала у хрестьянина скотина вся, а хлеб в сусеках вдруг загорелся да сгнил в одну ночь. Утром глянули — а там одна труха. И пошел тот хрестьянин с детьми по миру...

— Ну вот, — с улыбкой промолвил Савчук, когда старик умолк. — Выходит, ошибался я. И ты, кажется, не очень в бога-то веришь.

— Ну, очень или нет — это мое дело, — промолвил старик сердито. Помолчав, он вздохнул, и было в этом вздохе какое-то сожаление. — Я человек темный, жил в лесу, топтал росу. И что ж, раньше я бога соблюдал, хоть и грешил... Да-а, несправедливости много в жизни уж больно. Куда ж бог-то смотрит, ежели он есть? Что же он своих причиндалов всяких распустил? Этого вот Илью? Или опять же Николу-чудотворца... Вот у меня женка ране была. Разошлись мы с ней давно, она сейчас в Шантаре живет, старая. Каторжница она была, а за что? Помещика, который ее опоганил, вилами запорола. А душа-то у нее! Муравьишку всякую жалела. Обижал я ее, грешный, обманывал с Лушкой этой, вот она и ушла от меня. Да и с другими обманывал. Тожеть как бог допускал? Али вот эти войны... Хоть та, гражданская, хоть эта, нынешняя. Видел я в кино, как плоты в Шантару пригонял. Такая красота на земле, а ее огнем жгут, железом этим... порохом взрывают. Где ж он, бог? Не-ет, Поликарп Кружилин ваш правильно, в туза прямо: не бог, а человек всегда людям нужен...

Вот куда вывел старик! Мысли его были теперь понятны, но слова, которыми он облекал их, были настолько своеобразны, что Савчук только поражался.

А Филат Филатыч мотнул головой, сбрасывая с себя раздумье, узкие глаза его заблестели опять умно и хитренько, по-озорному:

— А Поликарп-то тоже жук! Знавал я его в молодости тожеть... Цыганку с табора он свел, помню.

— Какую цыганку? — спросил с любопытством Савчук, никогда раньше об этом не слышавший.

— Ух, цыганка была! Отец ее с ножом по всей Громотухе рыскал, Поликарпа искал... Зарезал бы, кабы не Кафтанов. Богатей тут у нас такой жил. Тот защитил... Женился на цыганке этой после Поликарп Кружилин.

— У него ж жена не цыганка вовсе! — воскликнул Савчук.

— Это другая. Та померла. Еще до этого, до революции все было...

— Во-он что! Каторжница, цыганка... Интересная у вас тут жизнь протекала.

— Так она, жизнь, завсегда, — кивнул старик, — такие круги выписывает, что еслив придумывать — не придумаешь сроду.

— И долго бывшая твоя жена, Филат Филатыч, на каторге была? И кто это, ежели не секрет? — спросил Савчук. Но старику этот вопрос не понравился, он нахмурился, поднялся, произнес сердито:

— Старый я пес... Разболтался о чем не надо. Какое твое дело, кто? Любопытный какой. Ну айдате, тут недалеко уж. Подымай людей-то, расселись-разделись, будто на ночь...

Продолжение следует.

ДОБРОТА — ЭТО ПОСТУПОК

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

Эти два письма пришли в редакцию почти одновременно. Учительница английского языка Л. Кострыкина с Камчатки писала о жестоком поступке нескольких школьников (не будем называть сейчас их фамилии):

«...они отвязали и увели с цепью мою собаку Полкана. На берегу они его кололи ножами, били палками, проткнули ему шею, спину, а потом уже двумя ножевыми ударами в сердце прикончили. На другой день эти же ребята поймали еще одну собаку и также зверски издевались над ней. Сначала они бросили ее в море, собака долго барахталась среди льдин, они ее снова и снова сталкивали в воду... Большинство взрослых... относятся безразлично...»

А вот строки из письма Л. Малицкой (город Горький):

«Мне известны такие факты: 1. Пропала кошка. Через некоторое время ее труп нашли в подвале. Он висел на веревке в числе трупов нескольких кошек. 2. Котенку проткнули ухо так глубоко, что врач не мог помочь. Показывают на ученика 1-го (!) класса... Я уверена, что вы согласитесь с необходимостью закона, карающего за кровь животных, и проявите инициативу в требовании такого закона».

Гнев, горечь, жалость вызывают эти письма. Подумаем в первую очередь не о бедных животных, подумаем о детях. Проткнув ножом беззащитную собаку, подросток не только убил ее,— он убил в себе счастливую способность человека получать радость от общения с природой, с животными.

Никогда нельзя делать однозначные выводы — и в данном случае тем более,— но невольно закрадывается опасение: если мальчик был так жесток к собаке, то не вырастет ли из него юноша, для которого жестокость станет нормой в отношении к человеку? Это вопрос не праздный, здесь есть над чем задуматься, хотя мы знаем немало примеров (в кинематографе это стало чуть ли не штампом), когда жестокий по отношению к людям человек творит зло, лаская лежащего у ноги пса.

Прежде чем поразмыслить над тем, как же стал возможным дикий поступок камчатских подростков, хотелось бы привести один небольшой отрывок из книги воспоминаний прекрасного русского художника Константина Коровина. Константин Алексеевич пришел к своему другу, охотнику Дубинину, у которого сука Дианка принесла щенят:

«Мы сидели и смотрели на щенят. Дубинин потушил папиросу.

— В первый раз они свет увидели и свою мать, ишь по ней лазают. Гляди, что будет.

Один щенок обернулся в нашу сторону, остановился и смотрел маленькими молочно-серыми глазками, потом сразу, падая, побежал прямо к нам, к Дубинину; за ним другой, и все к Дубинину полезли, на сапог подымались к нему, падали, и все вертели в радости маленькими хвостами.

— Видишь что,— сказал Дубинин,— не чудо ли это? Не боятся, идут к человеку, только прозрев, к другу идут, и не страшно им. А посмотреть-то на человека — страшен ведь он, на ногах ходит, голый, без шерсти, личность, глаза, рот; ушей вроде как нет. И заметьте — они все ко мне, хозяин, значит. Ну-ка, кто им сказал? Вот оно что в жисти есть, какое правильное чудо, а?! Отчего это? Это любовь и вера в человека, понять надо».

Какой не простой — и не короткий — путь нравственного развития предстоит пройти нескольким камчатским ребятишкам от детской, неосознанной (конечно же, неосознанной!) жестокости к такому вот глубоко философскому сознанию хозяина природы, сильного и великодушного, сказавшего про щенков: «Это любовь и вера в человека, понять надо»!

Я потому и не назвал фамилии школьников, о которых пишет учительница английского языка, что уверен: их жестокость неосознанная. Она следствие их духовной, нравственной неразвитости. Будь рядом с ними с самого раннего детства человек мудрый, внимательный, он, несомненно, воспитал бы у ребят любовь к «братьям нашим меньшим». Ну, а если и не любовь (не каждый же из нас обязан любить собак и кошек), то такие нравственные принципы, которые исключают любое проявление жестокости. Именно так ведь и воспитывают детей в громадном большинстве наших семей. И воспитание заключается вовсе не в упражнении риторикой на тему «жестокость — зло, дети — будьте добры и великодушны» — важна прежде всего линия поведения родителей, а не только их слова. Если же отец говорит сыну о любви к животным, а сам пинает маленького щенка или на глазах у ребенка топит только что родившихся слепых котят — от такого предметного «урока» не жди добра.

Картина, нарисованная учительницей с Камчатки, противоестественна, она противоречит нашему привычному представлению об отношении детей к животным. Мы привыкли видеть мальчика, гордо ведущего собаку на поводке. Но бывает, что родители, приобретающие детям собаку или кошку для игр, одной рукой творят добро, а другой — зло. Кому не приходилось поздней осенью видеть среди опустевших дач понуро слоняющихся собак или жалобно мяукающих, дичающих кошек?

АРТИСТЫ В БЕСКОЗЫРКАХ

Артисты театра КБФ — Краснознаменного Балтийского флота — еще до войны владели не только мастерством драматического искусства, но и боевым оружием. Творческий коллектив этого театра, возглавляемый морским офицером А. В. Пергаментом, формировался и пополнялся краснофлотцами, проходившими службу на Балтике; потом многие оставались на сверхсрочную службу в театре. Служил тут и краснофлотец драматический актер Иван Дмитриев. И вот сегодня мы беседуем с И. П. Дмитриевым, народным артистом РСФСР, в артистической комнате Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина.

— ...Лето 1941-го,— рассказывает Иван Петрович.— Фашисты рвутся к Ленинграду. Героическая оборона полуострова Ханко. Мы даем концерты на переднем крае, а когда требует фронтовая обстановка, у нас возникает непредвиденный антракт. Мы занимаем огневые точки, у каждого — автомат, запасные диски с патронами, гранаты, маскировочные халаты и... баян. Только закончилась разведка боем, еще не остыли стволы автоматов — и снова концерт.

После одного из концертов меня вызвал командир: задание было предельно ясным. Надо скрытно пробраться поближе к вражеским траншеям и установить там рупор. Командир предупредил: однажды такая попытка уже кончилась неудачно, погибли трое моряков. Ночью мы ползли с про-

И. П. Дмитриев в военное время.

Поиграли с ними дети летом, привыкли, а на «зимние квартиры» родители их брать не хотят, несмотря на мольбы и слезы. И слышит сын один ответ: на будущий год нового щенка заведем, а подтекст такой — подохнет, ну и ладно, не велика беда. И напрасно родители тешат себя мыслью, что дети этот подтекст не уловят, нынче подтекст понимают, едва выйдя из ползункового возраста. Нетрудно предугадать, какой отпечаток откладывают подобные разговоры в детской душе.

Мораль — семья, родители в первую очередь несут ответственность за то, какими растут их дети, способны ли они совершить жестокость по отношению к животным. И, конечно, определенную долю ответственности несут детский сад, школа, педагоги.

«В своих воспитательных планах классные руководители, воспитатели не планируют беседы о природе, животных. А жаль»,— пишет учительница Кострыкина. Нельзя с нею не согласиться: и в планах воспитательной работы должны планироваться беседы о природе и животных. Но только ли в планах? Любовь к природе, забота о ней — это ведь не какие-то мероприятия раз-два в году, это линия поведения человека. Это должно быть одной из его потребностей, как существует у него потребность есть и пить, общаться с друзьями...

На уроке ли в классе, в туристском походе, в беседах после занятий учитель должен помочь детям осознать себя хозяином родной природы, а раз хозяином — значит и защитником. Мне вспоминается один поразительный случай, который произошел много лет назад в одной из начальных школ в Ленинградской области. Весна, идет урок в третьем классе. Открыты окна на улицу. И пара ласточек вьет гнездо под крышей. Слетают с гнезда и тут же возвращаются с соломинкой, с перышком... Кто-то из детей отвлекается, следит за птицами. Что делает молодая учительница, раздраженная тем, что ребята плохо ее слушают? Посылает двух самых сильных мальчишек взять колья и сбить гнезда. Гордиев узел разрублен, но какой ценой! Пусть теперь эта учительница хоть два года твердит ребятам о том, что надо быть добрыми к животным,— не поверят словам. Человек не может быть добр вообще — доброта лишь тогда доброта, когда находит свое конкретное выражение в поступке. «...Воспитатели не планируют беседы о природе, животных»,— пишет Кострыкина. Что ж, в таком случае надо действовать. От каждого из нас и от учительницы английского языка, главное — от учительницы, от воспитателя в самом прямом значении этого слова, требуется п о с т у п о к. Н а ч н и т е активнее работать с ребятами, товарищ Кострыкина, вас поддержат коллеги, родители поддержат. Ведь речь идет о детях, о нашей смене! И тогда не понадобятся специальные законы об охране животных.

С. ВЫСОЦКИЙ

Фото Ю. Кривоносова

водом и рупором, день отсиживались, а на другую ночь возвращались в свое подразделение. Потом снова под покровом ночи пробирались к вражеским позициям и устанавливали новый рупор взамен разбитого.

И. П. Дмитриева наградили за эту операцию орденом Красной Звезды.

— Все теснее сжималось кольцо вокруг Ленинграда,— продолжает он.— Блокада. Голод. Умерла дочь Наташа...

Как-то вижу на углу — мальчишка, маленький, в черном ватнике. Глаза только на мгновение остановились на мне, а потом он стал сползать на землю... Я решил, что это судьба взамен дочери посылает мне сына. Взял его на плечи и принес на базу. Мальчик еле дышал от слабости и голода. Надо было спасти мальчишку. Но как сотворить чудо? Во всем Ленинграде оставалось совсем мало провизии, а паек — 125 граммов на душу. Однако на другой день у кроватки лежала почти целая буханка хлеба, горочка сахара, кусочек масла — это оторвали от себя артисты. Вечером в праздничный день 8 Марта подняли кружки с хвойным экстрактом. Я встал, чтобы сказать тост о женщинах, но только заплакал, прошептал: спасибо, извините... Мальчик был спасен.

Во фронтовом Ленинграде нашими театральными подмостками были клуб имени Дзержинского в Смольнинском районе и Дом культуры на Выборгской стороне. Выступали в воинских частях, на кораблях, в крепости Кронштадт и его фортах. У каждого актера — автомат, диски с патронами, гранаты и маскировочные халаты. Чтобы сберечь силы, диски, гранаты и баян возили на саночках. Выступали мы и в многочисленных и в совсем мизерных аудиториях. Иногда давали концерты даже для одного бойца. Помню снайпера Александрова. Тихо, почти шепотом — враг ведь рядом — мы читали ему скетч, вполголоса пели песни...

В моей бригаде было четыре человека: музыкант, певец и два драматических актера. Как-то в самые критические голодные дни давали мы концерт в честь праздника Красной Армии... И вдруг в середине концертной программы потерял сознание актер М. Бородкин; через несколько минут выпустил из рук гитару и музыкант...

Открывал концерт я всегда словами: «Перед вами выступает симпатичный, миниатюрный блиндажно-окопный палубный театр...»

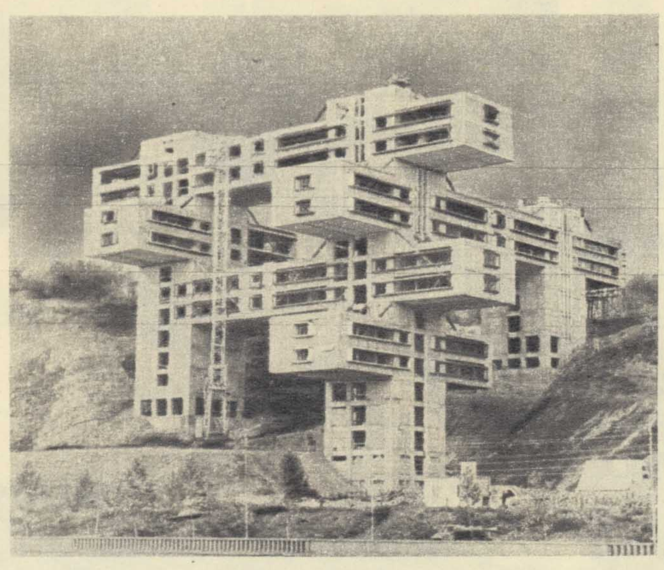
Приезжали мы на фронт не на день-два, а на несколько недель. В репертуаре — скетчи, юмористические рассказы, шуточные песни. Исполняли отрывки из пьес. Иногда мы и сами сочиняли...

В секции ветеранов военных актеров, которую нынче возглавляет народный артист РСФСР Иван Петрович Дмитриев, насчитывается свыше ста человек.

В артистической раздался телефонный звонок: Ивана Петровича вызывали на сцену. Сегодня он был занят в пьесе М. Горького «На дне» в роли Сатина.

К. ЧЕРЕВКОВ

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

ПОДЪЕЗД У ОДИННАДЦАТОГО ЭТАЖА

Скалы... Горы... Архитекторы сказали, что надо изменить отношение к сложному рельефу, который до сих пор рассматривался как препятствие строительству. И в самом деле, современная техника открывает перед зодчими широкие возможности. Примером тому сооружение в Тбилиси административного корпуса.

Здание задумано так, что войти в него можно с первого этажа, пятого и... одиннадцатого.

Над проектом этого уникального дома работали Г. Чахава, З. Джалагания, Т. Тхилава, А. Кимберг.

С. МАРИЕВ

БЕЗДУШНЫЕ ПОЛИСМЕНЫ

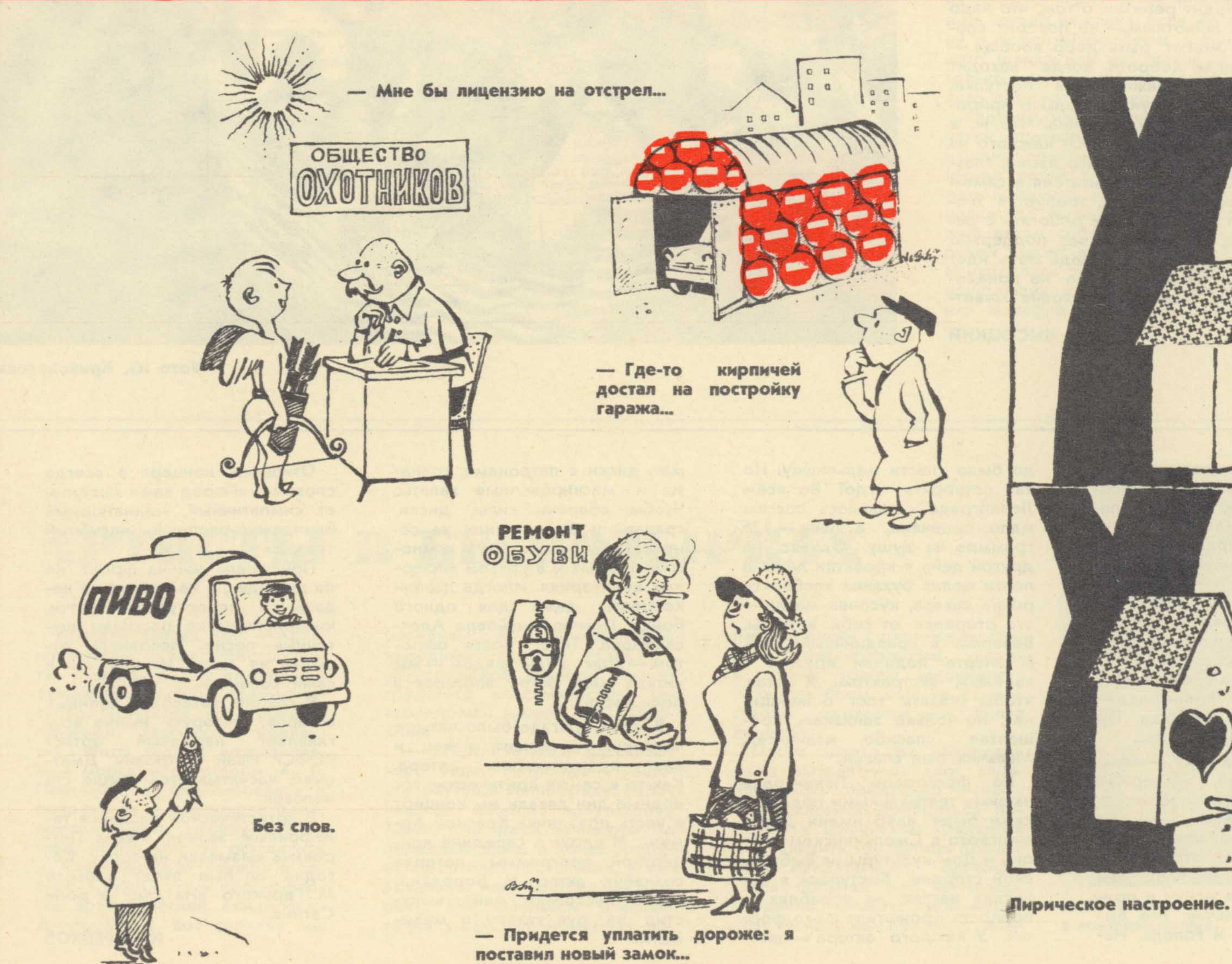
На одной из улиц пригорода Токио стоит шеренга полицейских - регулировщиков, которые никого не останавливают, не требуют водительских прав и не берут штраф. И тем не менее, приближаясь к внушительному ряду этих блюстителей дорожного порядка, водители сбавляют скорость, пока не проедут мимо... кукол в мундирах. В Японии столь часты происшествия на автострадах, что для борьбы с лихачами стали использовать резиновые манекены.

ЖИВОЙ ТАЛИСМАН

Строптивая антилопа по кличке Бобби стоит на довольствии первого батальона полка королевских стрелков Великобритании. Бобби молод — ему только один год. Однако во время парада у Букингемского дворца он вел себя как заправский ветеран и маршировал в ногу со всеми...

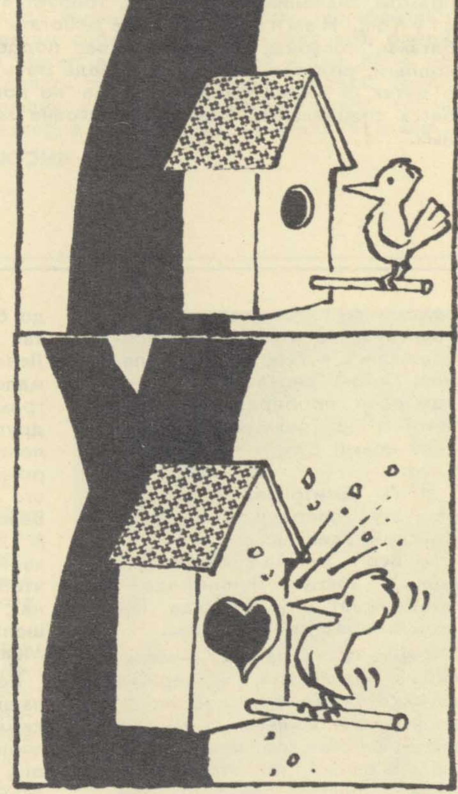

— Мне бы лицензию на отстрел...

— Где-то кирпичей достал на постройку гаража...

Без слов.

— Придется уплатить дороже: я поставил новый замок...

Лирическое настроение.

Весна — это хорошо,

просто прекрасно.

Но какова она на вкус!

М. КУШНИР

Вы уж заходите...

ЮМОРЕСКА

В дверь что-то бухнуло, потом еще раз и еще. Вытирая руки о фартук, старушка с причитаниями бросилась отпирать. На пороге стоял здоровенный парень с фанерным чемоданчиком.

— Водопроводчик я, вызывали?

— Заходи, родимый, заходи, кран-то уж второй день без перерыву течет. Никак с ним не совладать.

— Это мы враз.— Парень прогромыхал на кухню.

Кран и в самом деле тек. Водопроводчик хмыкнул, направился к газовой плите и приподнял крышку со сковороды:

— Котлетки, мамаша, жарите?

— Да вот, обед готовлю. Только кран окаянный...

— Это нам пустяки, мы люди мастеровые.

Парень поплевал на ладони и открыл кран. Потом подставил указательный палец под струю, посмотрел с минуту, как разлетаются брызги, и важно заявил:

— Тут прокладка прохудилась, у меня с собой ее нет. Приду через денька два, тогда и починим.

— Я женщина старая, в технике не разбираюсь,— затараторила старушка.— Ты уж, родненький, посмотри, может, как-нибудь воду остановишь. Зять-то мой кандидат наук, ему вода думать мешает. А вот и котлетки поспели. Ты садись, в ногах правды нет.

— Это можно,— согласился водопроводчик и опустился на табуретку.— А котлетки хороши, к ним бы...— мечтательно пробасил он.

— Не грех и стопочку,— поддакнула старушка и достала графинчик.

— Мы люди мастеровые,— парень с энтузиазмом принялся за дело,— сызмальства в работе. Что кран? Пустяки, мы и телевизор можем и утюг, а хошь, бабуля, я тебе швейную машинку починю?

— Ты уж, сынок, лучше кран,— попросила старушка, убирая пустую сковороду.

— Можно и кран,— согласился парень и, достав что-то из чемоданчика, принялся колдовать над раковиной. Немного покряхтев, он объявил:

— Бабуля, ключ не подходит.

— Ты не переживай, родимый, сейчас я в чулане посмотрю, там полно всяких железяк.

Старушка исчезла и через минуту принесла разводной ключ. Обрадованный парень набросился на кран, два раза крутанул, и мощная струя воды вырвалась на свободу.

— Ой-ей-ей,— запрыгал он на одной ноге, схватившись за другую, на которую упал разводной ключ.

— Батюшки!— охнула старушка и бросилась перекрывать воду.

Прихрамывая на ушибленную ногу, водопроводчик подошел к крану, осторожно почесал затылок и изрек:

— Прокладку менять буду.

Он полез в чемоданчик за ножом.

— Ах...— завопил парень, бросив нож. Округленные глаза его с ужасом смотрели на капающую из пальца кровь.

Старушка принесла йод, бинт и, ловко забинтовав палец, усадила парня на табуретку.

— Ты уж посиди, сыночек, я сама вырежу эту окаянную прокладку.

Закончив с прокладкой, старушка подняла с пола разводной ключ и начала привинчивать кран, приговаривая:

— Ты не переживай, я тут сама управлюсь. А то этот кран, чтоб ему неладно было, тебя, касатика, всего перекалечит.

— Ну как, бабуля, готово? — спросил парень через некоторое время.

— Готово, внучек, готово.

Водопроводчик повернул ручку крана — и вода потекла; повернул в обратную сторону — и нет воды.

— Во, здорово,— заключил он.

— На, родимый! — Старушка протянула ему чемоданчик и зеленую трехрублевую бумажку.

— Спасибо, мамаша.— Парень аккуратно сложил деньги и спрятал в карман. Потом надел кепку и, подумав немного, сказал: — Вы бы, мамаша, зашли к нам как-нибудь. У меня, того, кран чего-то не работает... Вы уж заходите, как время будет.

— Последний раз спрашиваю: костюм мой готов или опять нет!!.

— Когда дружки заявляются пьянствовать, он тут как тут, а как ковер выбить, так его нет.

Рисунок Б. Боссарта.

Без слов.

Рисунок В. Воеводина.

— Кто вам готовил машину к техосмотру!..

Рисунки В. Тамаева.

Градусник болельщика.

Рисунок Ю. Черепанова.

Фестивальные встречи — Фото В. Кузнецова

ПРАЗДНИК КИНОИСКУССТВА

Ю. ТЮРИН

Мне довелось работать на трех последних Всесоюзных кинофестивалях, и каждый раз происходила взволнованная встреча с подлинным искусством: в Баку на самой высокой, трагической ноте прозвучал последний фильм Василия Шукшина «Калина красная», в Кишиневе захватил страстный, нелицеприятный спор героев картины Сергея Микаэляна «Премия», и вот теперь, на киносмотре во Фрунзе, зажглась счастливая звезда киргизского режиссера Болота Шамшиева. В творческом соревновании киностудий страны, представивших на суд жюри 26 художественных фильмов, обладателем Большого приза — главной награды IX Всесоюзного кинофестиваля — стала картина «Белый пароход», поставленная Б. Шамшиевым по одноименной повести лауреата Ленинской премии Чингиза Айтматова.

Фильм Б. Шамшиева — напряженнейший поиск правды, обнаженное столкновение извечных противников — добра и зла, столкновение, окрашенное безусловным, выстраданным авторским отношением к происходящему на экране. Излишнее увлечение экзотикой чуждо картине Б. Шамшиева, хотя действие фильма и орнаментировано приметами национального быта, бережно воспроизведенными эпизодами народных преданий. Могуче животворный, исполненный бесконечной поэзии мир окружает героев фильма. Тема неистребимости природы, врачующей самые тяжкие душевные недуги, заявлена и решена в фильме с неподдельной искренностью подлинно современного художника.

Тема родной земли прозвучала также в фильмах «От зари до зари» Г. Егиазарова, «Когда наступает сентябрь» Э. Кеосаяна и «Время ее сыновей» белорусского режиссера В. Турова. Фильмы интересны прежде всего актерскими работами; первые два—откровенно монологичны, основную нагрузку несут в них центральные герои: их роли исполняют А. Джигарханян и открытый для кино театральный актер Н. Пастухов. Солдаты Великой Отечественной, герои этих фильмов вдвойне связаны с отчей землей: они родились на ней и пролили за нее кровь на полях сражений. И теперь, спустя много лет после войны, люди эти являются мерилом нравственности для нового поколения. Отмеченные различными премиями жюри, названные фильмы составили заметную группу, как бы продолжившую главную тему кинематографа-75, когда народ наш отмечал тридцатилетие Победы. К этому же ряду примыкает украинская лента «Тревожный месяц вересень» режиссера Л. Осыки, удостоенная премии за лучшую разработку военно-патриотической темы.

На Фрунзенском киносмотре повезло комедии: кроме «Афони» Г. Данелии, жюри выделило картину грузинских кинематографистов «Первая ласточка», поставленную Н. Мчедлидзе. Непритязательный рассказ о появлении первой в Грузии команды футболистов дал возможность рассыпать на экране каскад забавных, подчас трогательных ситуаций, объединенных колоритной фигурой Ясона в искрометном исполнении Давида Абашидзе, получившего приз за лучшее исполнение мужской роли.

Впервые в практике отечественных кинофорумов в дни фестиваля было проведено творческое собеседование. Его тема — «XXV съезд КПСС и задачи киноискусства». «Основное направление творческой дискуссии,— сказал по этому поводу председатель Союза кинематографистов Киргизии Ч. Айтматов,— обмен мнениями по самым различным вопросам развития современного киноискусства в свете решений исторического XXV съезда КПСС, который вобрал в себя громадный коллективный опыт всей материальной и духовной жизни советского общества, проявившийся во всех сферах и видах человеческой деятельности».

Как заметил узбекский режиссер Али Хамраев, фестиваль для мастеров экрана не только праздник, но и своеобразная мастерская.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Советский скульптор. 6. Трагедия Шекспира. 9. Областной центр в РСФСР. 10. Вид керамики. 12. Месяц года. 14. Химический элемент. 16. Млекопитающее семейства кошачьих. 18. Небольшая гора на Дальнем Востоке, в Сибири. 19. Трикотажная фуфайка. 20. Учреждение связи. 21. Геометрическое тело. 23. Атмосферное явление. 25. Конноспортивные состязания. 27. Остров в Эгейском море. 28. Грузинский поэт XII века. 29. Национальная японская одежда. 30. Рыболовная снасть.

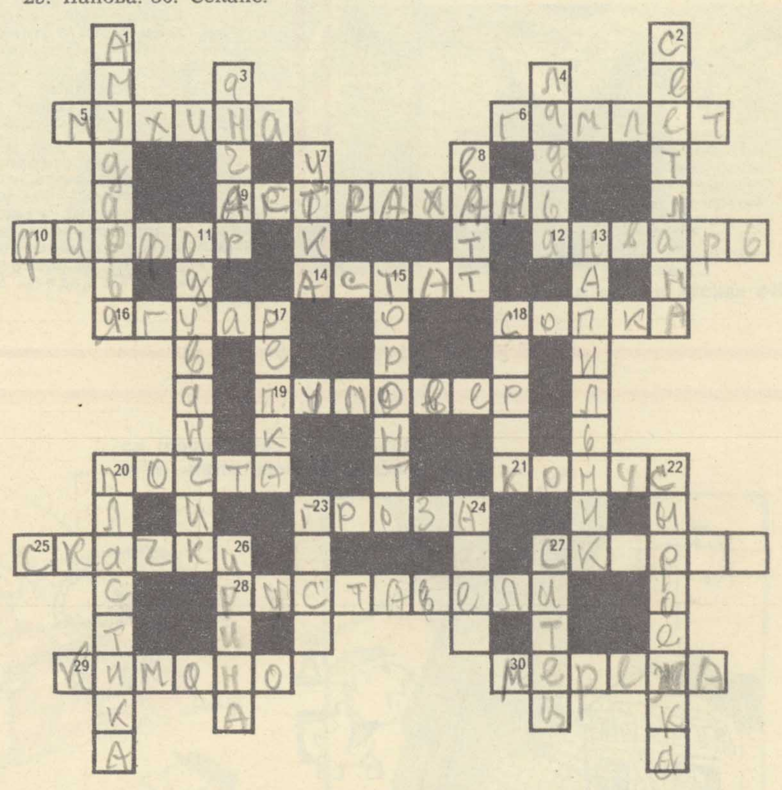
ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Река в СССР. 2. Баллада В. А. Жуковского. 3. Симфоническая сюита Н. А. Римского-Корсакова. 4. Шахматная фигура. 7. Водоплавающая птица. 8. Единица мощности. 11. Растение с желтыми цветками. 13. Металлорежущий инструмент. 15. Порт в Канаде. 17. Русская народная сказка. 18. Минерал, в состав которого входит свинец. 20. Гармоничность движений. 22. Гриб. 23. Басня И. А. Крылова. 24. Приток Оби. 26. Действующее лицо драмы А. П. Чехова «Три сестры». 27. Хлопчатобумажная ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 4. Шатрова. 8. Стотинка. 9. Кривошип. 10. «Арсенал». 13. Кунгас. 15. Карниз. 16. Клещи. 17. Картули. 18. Миндаль. 19. Сараево. 21. Леопард. 23. Верди. 24. Десерт. 26. Асбест. 28. Капуста. 31. Нафталан. 32. Кулебяка. 33. «Айвенго».

По вертикали: 1. Страус. 2. Боткин. 3. «Литвинка». 5. Оригинал. 6. Штора. 7. Копра. 11. Рокировка. 12. Анималист. 14. Студент. 15. Кондома. 20. Ассонанс. 22. Раевский. 25. Ртуть. 27. Самбо. 29. Панова. 30. Секанс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Днепродзержинск. 8 мая 1976 года. Открытие бронзового бюста Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева.

Фото А. Гостева

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Большой азимутальный телескоп Специальной астрофизической обсерватории АН СССР. (См. в номере материал «Большое око планеты».)

Фото Л. Шерстенникова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 26/IV — 1976 г. А 00660. Подп. к печ. 11/V — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1238. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2162.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

«КОРОЛЕВА» ТРУБИТ СБОР

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Королевой спорта, как известно, величают легкую атлетику. В олимпийских сейфах, где хранится призовое золото, вклады этой королевы самые обширные. Если спортсмены, выступив в Монреале по 23 разделам обширной программы, смогут получить 161 золотую медаль, то легкоатлеты, представители лишь одного вида, увезут домой 37 золотых медалей. Вот почему та олимпийская команда, которая сможет собрать под своим крылом самых сильных бегунов, прыгунов и метателей, имеет наибольшие шансы на неофициальную, но очень почетную общекомандную победу. Что же удивительного в том, что трубный призыв королевы спорта прозвучал в этом сезоне еще в те дни, когда стадионы лежали под снегом? Как никогда насыщенными были тренировки в закрытых манежах, как никогда напряженно прошли зимнее первенство страны в Москве и зимний чемпионат Европы в Мюнхене. А первые соревнования сезона на открытом воздухе были назначены уже на раннюю весну в Сочи.

Вот мы и решили воспользоваться тем, что многие спортсмены собрались, чтобы подготовиться получше еще до открытия соревнований, и побывали на их тренировках, познакомились с молодыми атлетами, повидали наших старых знакомых, известных мастеров и их воспитателей. Когда мы пришли на сочинский стадион, уютно разместившийся около самого моря, нас поразила царившая там тишина, словно никого на его дорожках и не было. Однако это впечатление сразу же рассеялось после беседы с заслуженным тренером СССР, профессором Владимиром Михайловичем Дьячковым, воспитателем наших прыгунов в высоту.

— Да, времени в обрез,— сказал Дьячков.— После стартов на призы братьев Знаменских нас ожидает борьба за призы газеты «Правда», а в июне — чемпионат СССР. Там-то окончательно и определится состав олимпийской команды. Поэтому мы должны раньше, чем обычно, обрести достаточно высокую спортивную форму и вместе с тем главные силы сберечь до Монреаля...

Такова стратегия нынешнего олимпийского сезона. Но как же осуществить эту сложную стратегию, если для того, чтобы закрепиться в команде, нужно добиться победы не над одним и не над двумя сильными соперниками,— в целом ряде видов легкой атлетики на одно место будут претендовать пять, а то и шесть человек!..— И, как бы иллюстрируя свою мысль, В. М. Дьячков показал на прыгуна, готовящегося к разбегу.— Это Сергей Сенюков,— представил он нам спортсмена,— один из самых молодых наших прыгунов. Ему двадцать один год. В 1972 году, когда Юрий Тармак выиграл олимпийское первенство в Мюнхене, черновицкий десятиклассник Сережа Сенюков выступал на спартакиаде школьников и победил с результатом 2 метра 8 сантиметров. В следующем году на юношеском первенстве Европы он занял второе место, преодолев 2 метра 14 сантиметров. В 1974 году прибавил к своему личному рекорду сразу 7 сантиметров, а в прошлом сезоне стал чемпионом Спартакиады народов СССР. В нынешнем сезоне Сергей Сенюков имеет отличный прыжок — 2 метра 24 сантиметра. Казалось бы, такой прекрасный «боевой список» дает основание спортсмену рассчитывать на поездку в Монреаль, но надо учитывать, что ровесник Сенюкова, ученик тренера Гойхмана Александр Григорьев еще в прошлом сезоне победил на Кубке Европы, преодолев высоту 2 метра 24 сантиметра, и возглавил список двадцати пяти лучших прыгунов страны. А ведь вплотную к Сенюкову и Григорьеву подошел другой мой ученик, Сергей Будалов, и молодой латыш Имантс Карлсон. И мы вполне можем ожидать высоких результатов и от наших ветеранов Юрия Тармака, Владимира Абрамова, Кестутиса Шапка.

...Беседуя с прыгунами, мы заметили знакомую всем любителям легкой атлетики колоритную пару: двух высоких девушек, очень похожих друг на друга. Это были Надежда Ильина и Ингрид Баркане, выступающие в беге на 400 метров. На дорожке две эти спортсменки — яростные соперницы, а в жизни неразлучные подруги. Они ровесницы, обе из одного спортивного общества «Динамо», обе тренируются у известного тренера, в прошлом выдающегося спринтера Леонида Бартеньева. И сейчас перед первыми стартами Бартеньев помогал своим ученицам отточить такое современное оружие бега на один круг, как спринтерская скорость. Раз за разом брали они старт и мчались по прямой с борзовской стремительностью. Занятия с Бартеньевым помогли Надежде Ильиной показать на чемпионате Европы 1974 года в Риме отличный результат — 51,2 секунды. И теперь Надежда вместе со своей неизменной напарницей тренируется по пять часов в день.

Только выносливость, помноженная на скорость, может дать высокий результат в длинном спринте, и что это так, мы смогли убедиться, наблюдая за тренировками спортсменок ГДР. Бегуньи ГДР на один круг славятся своим мастерством, а в Сочи на сей раз оказались самые лучшие — Кристина Бремер, Эллен Штрайдт и Рита Кюне. Ну что же, это соседство, наверное, будет полезным для наших спортсменок.

В отличие от прыгунов в высоту, которые толпой стоят на пороге сборной, в беге на 400 метров наши кадры не столь обширны. Кроме двух уже знакомых нам спортсменок, на место в сборной команде могут претендовать Инта Климовича и Наталья Соколова. Немного! А у мужчин — бегунов на один круг дела еще труднее. Никто из них по результатам прошлого сезона не вошел в число 25 лучших в мире. Надо отметить, что все эти 25 бегунов проходят круг быстрее чем за 46 секунд, в то время как за всю историю нашей легкой атлетики лишь одному советскому спринтеру, А. Братчикову, удалось пробежать дистанцию за 45,9 секунды, и этот результат уже семь лет никто не может сдвинуть с места.

Увы, проблемы бега по-прежнему тревожат нас не только в спринте, но и на средних и длинных дистанциях. Однако на сочинском стадионе к моменту нашего приезда бегунов еще не было, и мы могли отводить душу, любуясь прыгунами с шестом, копьеметателями и метателями молота — представителями как раз тех видов легкой атлетики, которые неизменно приносят нам удовлетворение и радость.

Советская школа прыжков с шестом и в прошлом имела прекрасных, технически сильных и отважных прыгунов, а в последнее время у нас подросла подающая большие надежды смена. С двумя молодыми атлетами, учениками ленинградского тренера Ванадия Яковлевича Розенфельда, мы встретились на сочинском стадионе.

— Вон тот, чернобровый, который готовится сейчас к прыжку,— это Володя Трофименко, новый рекордсмен страны,— сказал нам Розенфельд,— а рядом с ним Владимир Кишкун, чемпион Европы. Эти два имени еще не успели врезаться в память многим любителям легкой атлетики, а вместе с тем спортсмены уже достигли немалых успехов. Володя Кишкун стал чемпионом юношеского первенства страны. Потом чемпионом среди юниоров. Спустя три года выиграл первенство СССР среди взрослых и первенство Европы в Риме, а в 1975 году преодолел 5 метров 45 сантиметров. Спортивная биография Володи Трофименко еще более удивительна. Однажды на сочинском стадионе к Розенфельду подошел чернявый худенький мальчишка и попросился в ученики. И вот теперь он довел рекорд до 5 метров 46 сантиметров и возглавляет список лучших прыгунов с шестом в нашей стране.

Да, нас радует молодежь, но и маститые наши мастера не покладая рук готовятся к Монреалю. И кто завоюет право выступать на Олимпийских играх, мы узнаем только через месяц.

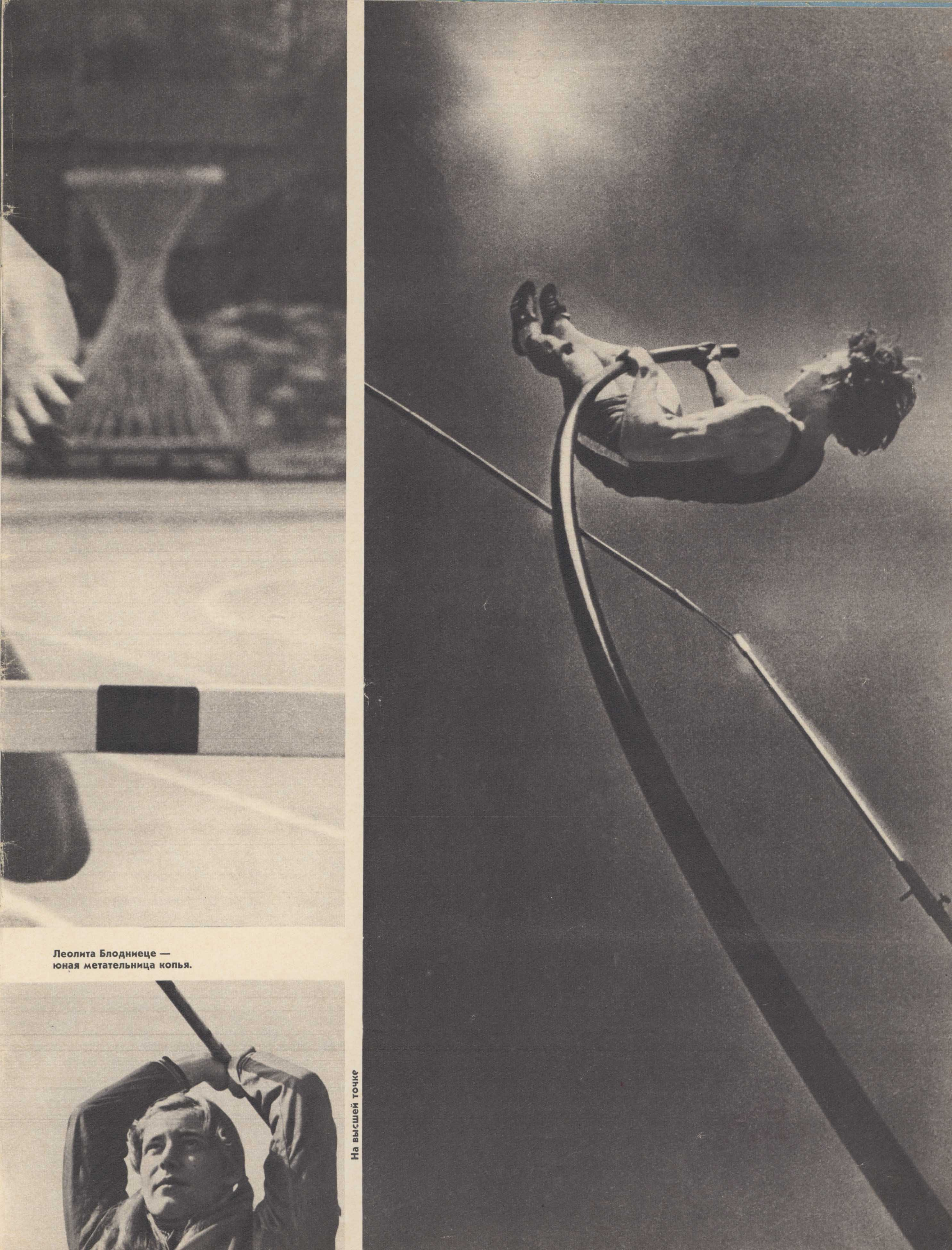
Один из лучших барьеристов мира, рекордсмен СССР Виктор Мясников.

Сергей Сенюков на тренировке.

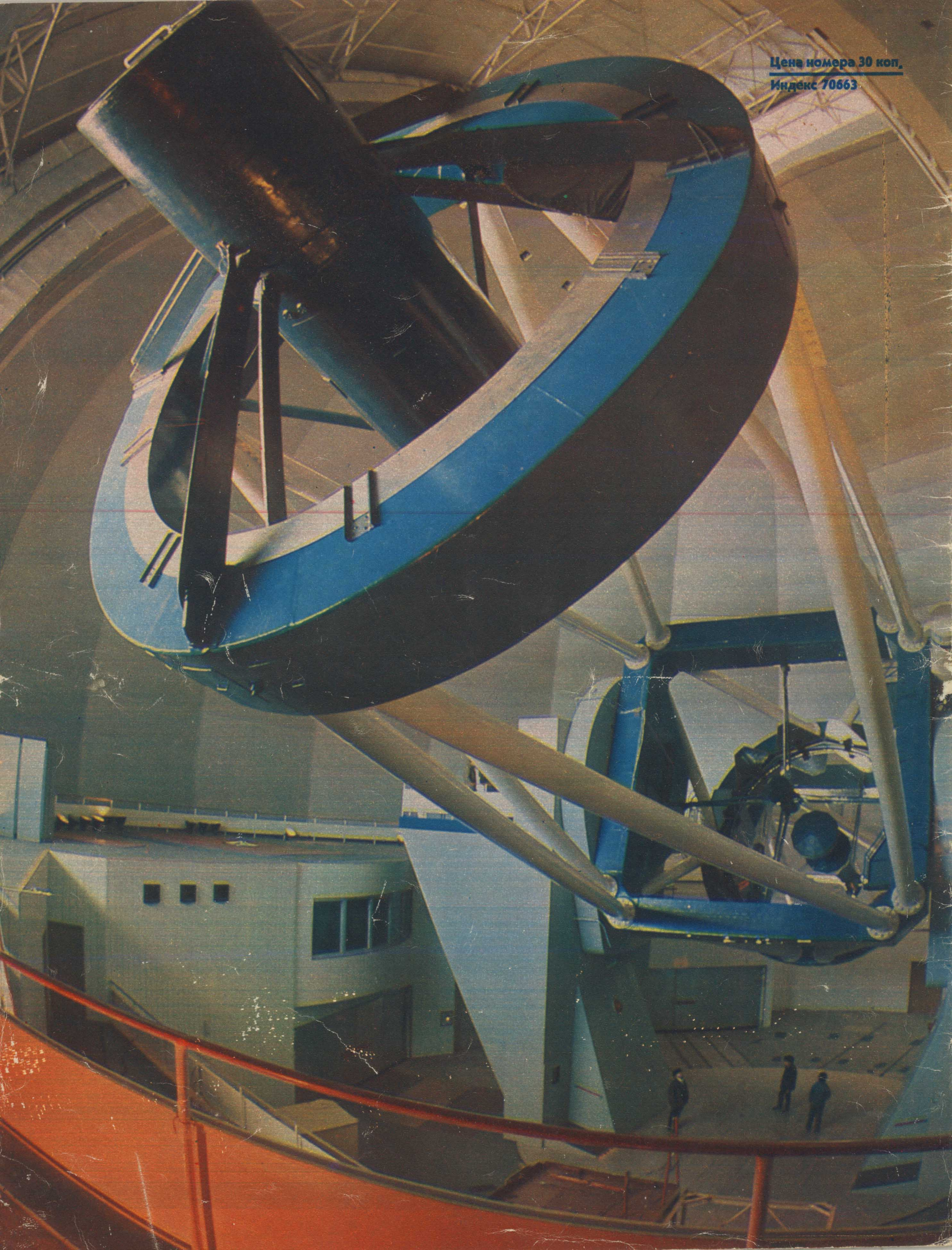
Встреча на сочинской дорожке. Рита Кюне (ГДР), Ингрид Баркане, Эллен Штрайдт (ГДР) и Надежда Ильина.

Леолита Блоднеце —
юная метательница копья.

На высшей точке

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663